

ЕВА
ВЕРЕСК

НАСЛЕДНИЦА ПЛАМЕНИ

Ева Вереск

Наследница пламени

<https://litres.ru/74238074>

Аннотация

ПРОДОЛЖЕНИЕ "ПЛАМЕНИ ИСЦЕЛЕНИЯ" Ценой собственной крови, собственной души я вырвала Каэля из лап смерти. Проклятие пало, Маэлгор отступил, но его обещание вернуться висит над нами дамокловым мечом. Мы живы — вот только я больше не та, кем была прежде.

Но нам некогда искать ответы. Маэлгор готовит восстание Великой Тени, Лоренц и его сестра всё ещё в лапах культа, а древнее зло, скованное когда-то Первым Драконом, шевелится в своей бездне. Мы в бегах, без сил, без союзников, с тайной, которая может сделать меня либо величайшим оружием против тьмы... либо её идеальным проводником.

И самое страшное — я не знаю, что пробудилось во мне на самом деле. Подарок судьбы или проклятие. Я знаю только одно: я люблю его. И эта любовь уже стоила мне всего, чем я была.

Что, если теперь она потребует ещё больше?

Вторая книга цикла «Хранители Пламени» — история о цене жертвы, пробуждении древней крови и любви, которая не знает границ даже между мирами.

♥#НОВЫЕ ГЛАВЫ ВЫХОДЯТ: ВТ, ЧТ, СБ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	51
Глава 7	62
Глава 8	70
Глава 9	78
Глава 10	88
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Глава 1

Запах кофе.

Такой знакомый. Такой родной, что у меня защипало в носу. Горьковатый, с лёгкой кислинкой — тот самый дешёвый автоматный кофе из ординаторской, который мы все ругали, но пили литрами. Потому что без него здесь не выжить.

— Алин, ты моя спасительница!

Кто-то выхватил у меня вторую чашку. Я обернулась и увидела Наташу — медсестру из реанимации, вечно взлохмаченную, с тёмными кругами под глазами и бесконечным запасом оптимизма, который меня всегда поражал. Как у неё это получалось после стольких смен?

— Там такой разнос был от заведующей, ты не представляешь! — тараторила Наташа, обжигаясь кофе. — Говорит, санитарный журнал не по форме заполнен! А я, между прочим, три смены подряд, у меня пациент из двадцать третьей палаты чуть не...

Я слушала вполуха и улыбалась. Гул больницы — приглушённые шаги по линолеуму, сигналы капельниц, далёкое покашливание, чей-то плач из детского отделения этажом ниже — обволакивал меня, как тёплое одеяло. Я дома. Конечно, я дома. Где же ещё мне быть?

— А помнишь того пациента с аппендицитом, который требовал только профессора? — Наташа хохотнула, и я ма-

шинально кивнула, хотя не помнила никакого пациента. — Его потом оперировал наш интерн, так он орал, что его резать хотят! Представляешь?

Я рассмеялась. Смех вышел лёгким, непринуждённым. Настоящим. Я отпила кофе — обжигающе горячий, чуть сладковатый, с привкусом пластикового стаканчика. Совсем не такой, как в...

Мысль оборвалась. Не такой, как где?

— Наташ, я сейчас, — бросила я и пошла к туалету. Мне просто нужно было умыться. Смыть с себя эту странную, липкую, ниоткуда взявшуюся дрожь. Этот холодок между лопаток, от которого волоски на затылке вставали дыбом.

Я толкнула дверь. Белый кафель, резкий свет ламп дневного освещения, зеркало над раковиной в подтёках известкового налёта. Всё как всегда. Всё правильно.

Я подошла к раковине, пустила холодную воду. Ладони коснулись ледяной жидкости, и на секунду мне показалось, что вместо воды я чувствую... песок? Мелкий, горячий, сыпучий. Он сыпался сквозь пальцы, обжигал, царапал кожу...

Я тряхнула головой и подняла глаза на своё отражение.

Всё было как обычно. Светлые волосы собраны в небрежный хвост, под глазами тени от недосыпа, на губах — остатки улыбки. Обычное лицо. Моё лицо.

А потом свет в моих глазах дрогнул.

В самую последнюю секунду, когда я уже хотела отвернуться, мои собственные зрачки полыхнули золотом. Яркой,

горячей вспышкой. Как расплавленный металл. Как...

Как у него.

Сердце пропустило удар.

Я вцепилась в край раковины, подалась вперёд, вглядываясь до рези в глазах. Нет, показалось. Просто блик. Просто усталость. Я провела ладонью по лицу, стирая наваждение. Пальцы дрожали.

— Дура, — прошептала я собственному отражению. — Переработала ты. Совсем едет крыша.

Я не договорила.

Потому что за моей спиной, в зеркале, начал сгущаться мрак.

Он не наползал от двери, не выползал из углов. Он проступал сквозь белые больничные стены, как чернила сквозь тонкую бумагу. Медленно, неумолимо, жадно. Он впитывал свет ламп, звуки, само пространство. И в глубине этой абсолютной, живой черноты кто-то был. Я не видела лица, не видела фигуры. Я чувствовала это той самой частью себя, которой не должно было существовать в этом мире, в этой реальности, в этом сне.

Тьма смотрела на меня. И в этом взгляде не было ничего, кроме голодного ожидания. Она не звала меня, не тянулась — она просто знала, что я уже принадлежу ей. Что я уже сделала шаг. Что я отдала...

«Цена была велика... Счёт будет предъявлен...»

— Нет! — Я рванулась от зеркала, но пол под ногами ис-

чез.

Я падала в эту тьму, чувствуя, как холод сдавливает грудь, вымораживает лёгкие, добирается до самого сердца. Я попыталась закричать, но тьма заткнула мне рот...

Я распахнула глаза.

Тьма никуда не делась. Она висела передо мной — плотная, непроглядная, живая. Сердце колотилось где-то в горле, грозя разорваться. Я не могла вздохнуть, не могла пошевелиться. В ушах стоял гул собственной крови, и этот гул заглушал всё.

Где я? Где я, где я, где я...

Я заставила себя моргнуть. Раз, другой. Третий. Ледяной ужас сна начал понемногу отпускать, и реальность вползала в сознание кусочками, осколками, как вода в тонущий корабль.

Это не больница. Здесь пахнет иначе. Пылью. Старым камнем. Сухими травами и ещё чем-то... железом? Или кровью? Запёкшейся, старой кровью.

Я лежу на чём-то относительно мягком. Лежанка? Одежда, сложенные в несколько слоёв? Под спиной чувствуется твёрдый пол — каменный, холодный даже сквозь подстилку.

Тишина. Абсолютная, звенящая тишина. Только стук моего собственного сердца, медленно, очень медленно приходящий в норму. Бух... бух... бух...

Сердце. Оно бьётся. Я жива.

Мысль пришла откуда-то издалека и тут же потянула за

собой другую, более отчётливую, более страшную и одновременно самую важную:

Каэль.

Я судорожно втянула воздух и тут же закашлялась — в горле пересохло, саднило так, будто я битый час кричала. Или кричала не я, а внутри меня. Но вместе с кашлем пришло и ощущение его.

Связь.

Она была здесь. Не та, прежняя, крепкая и ровная, как натянутая струна. Теперь она ощущалась иначе — глубже, неразрывнее. Будто моя собственная нервная система теперь была продолжением его нервной системы. Будто моя кровь текла в его жилах, а его — в моих. Я чувствовала его присутствие, как чувствуют биение пульса в собственных венах — не задумываясь, не анализируя, просто зная.

Жив. Он жив.

И спит. Спит тем глубоким, целительным сном, в который я его и погрузила. Я чувствовала тяжесть этого сна, его глухую, слепую глубину. И усталость. Боже, как он устал. Как мы оба устали.

Воспоминания хлынули лавиной, сшибая с ног, затапливая лёгкие.

Маэлгор. Чёрный клинок. Золотой свет, утекающий из груди Каэля, как вода из разбитого кувшина. Его глаза, умоляющие меня не соглашаться на сделку. А потом — пустота. И боль. Нет, не боль — агония, когда я вцепилась в эту пу-

стоту, в этот зияющий разрыв его существа, и начала сшивать его собой. Своей волей. Своей жизнью. Своей душой.

Я попыталась приподняться на локте и едва не задохнулась от резкой слабости, пронзившей всё тело. Меня выкручивало, мышцы дрожали мелкой противной дрожью, в висках пульсировала тупая боль. Было такое чувство, будто из меня вынули все кости, а потом вставили обратно, но перепутали местами. И забыли вставить пару штук.

Я всё же села, хватаясь за что-то твёрдое рукой. Пальцы наткнулись на грубую ткань, край лежанки. Ногти были грязными, с засохшей кровью под ногтями. Моя кровь.

И только тогда я наконец начала различать очертания во круг.

Я в комнате. В той самой комнате в Гааль-Нуре, где на нас напали. Смутный, призрачный свет просачивался откуда-то сбоку — может, с улицы, сквозь щель в ставнях, а может, просто глаза привыкли к темноте. Тени лежали густо, как чернила, но я уже видела очертания стола, брошенной на пол сумки, опрокинутого стула.

Я перевела взгляд в сторону и замерла.

Рядом с лежанкой, на полу, сидел Каэль.

Он был не на лежанке. Он сидел на каменном полу, приклонившись спиной к стене, вытянув длинные ноги. Его голова была запрокинута, тёмные волосы разметались по лицу, глаза закрыты, грудь мерно вздымалась во сне. Даже в темноте я видела, как он бледен. Видела тени, залёгшие под гла-

зами. Видела тонкую полоску шрама, проступающую сквозь разорванную рубашку на груди — там, где был удар клинка. Шрам в форме драконьего глаза.

Но жив.

Жив.

У меня перехватило дыхание. Не от слабости — от облегчения. Такого острого, такого всепоглощающего, что на глаза навернулись слёзы. Я протянула руку, чтобы коснуться его, провести пальцами по щеке, убедиться, что он тёплый, настоящий...

Пальцы дрогнули в миллиметре от его кожи.

Мне вдруг стало страшно. А что, если он не проснётся? Что, если я отдала всё, но этого оказалось недостаточно? Что, если та чернота, что приснилась мне — это не просто сон, а предупреждение? Что, если моя цена уже уплачена, а его — ещё нет?

Я убрала руку и прижала ладонь к собственной груди, пытаясь унять сердцебиение. И в этот момент мои пальцы наткнулись на что-то мокрое. Липкое. Засохшее.

Я опустила взгляд.

Моя одежда — то самое платье, что подарил мне Каэль в этом городе, простое хлопковое, с цветочным узором — было пропитано кровью. Засохшей, бурой, превратившей весёлые цветочки в жуткое месиво. Собственная кровь. Я провела рукой по лицу и почувствовала корку запёкшейся крови под носом, на щеках, на подбородке. В ушах саднило, будто

их драили наждачкой.

Я выглядела так, будто пережила пытку.

«Так и было», — подумала я отстранённо, глядя на свои руки. Я и была пыткой. Я зашивала его собой. Клетка за клеткой. Вдох за вдохом.

Внезапно острая, режущая боль пронзила глазницы. Я зажмурилась и схватилась за лицо, подавив крик. Боль была странной — не физической, нет. Она жгла изнутри, из самой глубины глазных яблок, заставляя видеть даже сквозь сомкнутые веки не тьму, а пляшущие золотые искры. Тысячи золотых искр, кружащихся в бешеном танце.

Вспышка.

Слово Хранителя Тишины, эхом отдающееся в черепе: «Ты — мост».

Взгляд Маэлгора перед тем, как он исчез: смесь бешенства и... удовлетворения? Словно он уже добился своего. Словно мой выбор был именно тем, на который он и рассчитывал.

И, наконец, отражение в луже собственной крови на каменном полу: два глаза, смотрящие на меня снизу вверх. Один — мой, обычный, серо-голубой, с расширенным от ужаса зрачком. И второй — полыхающий золотом, с вертикальным зрачком, смотрящий оттуда, из лужи, на меня настоящую.

Мой глаз.

Я распахнула глаза.

Боль утихла, оставив после себя только пульсирующее

тепло. Я снова посмотрела на спящего Каэля, и меня захлестнуло ледяной волной нового, самого страшного понимания.

Я чувствовала его. Чувствовала каждой клеткой. Его сон, его усталость, его медленно возвращающиеся силы. Но и внутри себя я чувствовала что-то ещё. Что-то чуждое и одновременно такое родное. Тяжёлое, горячее, дремлющее в самой глубине моего существа, свернувшееся там клубком, как зверь в спячке. То, чего раньше не было. Никогда. Часть его, ставшая частью меня.

Золотой свет. Драконий глаз.

Я поднесла дрожащую руку к лицу, коснулась уголка глаза. Кожа была горячей. Обычной. Но я знала. Знала так же точно, как знала, что Каэль жив. Там, в глубине зрачка, теперь спал дракон. Не тот, огромный, с чешуёй и крыльями. Другой. Более древний. Более страшный.

Цена была уплачена. Счёт предъявлен.

Я смотрела на мужчину, ради которого только что умерла и родилась заново, и впервые в жизни не знала, кем я теперь стала. Человеком? Целителем? Хранителем?

Или чем-то, чему ещё даже не придумано название.

Я перевела взгляд в угол комнаты, туда, где тьма казалась особенно густой, особенно плотной. Сердце снова пропустило удар, но теперь — от другого чувства. Не от страха перед тьмой из сна. От чего-то более примитивного. Более древнего.

Тьма была просто тьмой. Тишина — просто тишиной.

Пока.

Но внутри меня, в самой глубине, что-то согласно шевельнулось. Что-то, что знало об этой тьме больше, чем я. Что-то, что ждало.

Я медленно выдохнула, обхватила себя руками и, не в силах больше бороться ни с болью, ни с осознанием, ни с дрожью, опустила голову, уткнувшись лбом в колени. Грязные, спутанные волосы упали на лицо, закрывая от мира.

Я сидела на лежанке в темноте, в пропитанной кровью одежде, в паре метров от спящего дракона, внутри которого теперь горела и моя собственная искра. И эта искра жгла меня изнутри, требуя выхода, требуя ответов, требуя признания.

Золотой отсвет в моих зрачках не погас. Он лишь затаился, ожидая своего часа.

Снаружи, над спящим городом Гааль-Нур, медленно занимался рассвет. Холодный, равнодушный, серый. Он не сулил ничего хорошего. Он просто был.

Глава 2

Я не знаю, сколько времени прошло. Минуты? Часы? Я потеряла счёт времени, сидя в темноте, прижимаясь лбом к коленям и слушая дыхание Каэля. Ровное. Глубокое. Живое. Только это и удерживало меня от того, чтобы провалиться обратно в беспмятство.

В комнате было тихо. Слишком тихо для города, который днём казался таким шумным. Наверное, ночь всё ещё держала Гааль-Нур в своих руках. Или утро только-только начинало красться по узким улочкам.

Мои веки слипались. Тело требовало отдыха с той настойчивостью, с какой утопающий требует воздуха. Но я боялась закрыть глаза. Боялась, что стоит мне снова провалиться в сон, как та тьма из зеркала вернётся. Дотянется. Заберёт.

Поэтому я просто сидела и смотрела на Каэля. Считала его вдохи. Вслушивалась в его пульс через нашу связь.

И размышляла о том, что теперь во мне живёт дракон.

Звучало как бред сумасшедшей. Как строка из дешёвого фэнтези, которое я никогда не читала, потому что в медицинском на это просто не было времени. Но реальность, в которой я оказалась, уже давно переплюнула любую фантастику.

Я поднесла руку к лицу и уставилась на свои пальцы в тусклом свете. Обычные пальцы. Грязные, в засохшей кро-

ви, с обломанными ногтями. Но теперь я чувствовала каждую косточку, каждую фалангу так остро, будто видела их под микроскопом. Я чувствовала кровь, бегущую по венам. Чувствовала, как она нагревается, когда я задерживаю дыхание. Чувствовала...

Тук.

Я замерла.

Тук.

Это было не моё сердце. И не сердце Каэля. Это было что-то другое. Глубже. Ритмичнее. Оно пульсировало где-то в районе солнечного сплетения, тяжёлое и горячее, как второе сердце. То, которого раньше не было.

Тук. Тук. Тук.

Я прижала ладонь к животу, и мне показалось, что под кожей действительно бьётся ещё один пульс. Медленный. Мощный. Древний.

— Что ты такое? — прошептала я в темноту, обращаясь то ли к себе, то ли к тому, что теперь жило внутри меня.

Ответа не было. Конечно, не было. Чудовища внутри меня ещё не научились говорить. Пока.

И в этот момент дверь открылась.

Я вздрогнула так сильно, что едва не свалилась с лежанки. Адреналин впрыснулся в кровь мгновенно, прогоняя усталость ледяной волной. Моё тело среагировало быстрее мозга — я вскочила, пошатнулась от слабости и встала между дверью и Каэлем, раскинув руки в стороны.

Защитить. Закрыть. Умереть, но не дать тронуть.

Я даже не знала, чем буду драться. Сил не было совсем — они кончились там, в луже моей собственной крови, когда я зашивала его душу. Но я всё равно стояла и смотрела на тёмный силуэт в проёме, готовая если не победить, то хотя бы задержать. Хотя бы на минуту. Хотя бы на секунду.

Силуэт шагнул внутрь.

Высокий. Широкоплечий. В тёмном плаще с глубоким капюшоном, скрывающим лицо. Он остановился на пороге, и я увидела, как он медленно, очень медленно поднял руки вверх, раскрывая пустые ладони.

Жест был универсальным. На любом языке, в любом мире он значил одно: «Я безоружен, я не враг».

Я не расслабилась. Нас уже учили доверять таким жестам. Маэлгор тоже начинал с улыбок.

— Кто ты? — спросила я. Голос сел окончательно, превратившись в сиплый шёпот. — Что тебе нужно?

Мужчина помолчал секунду, а затем поднял свободную руку к капюшону и откинул его назад.

Свет из приоткрытой двери упал на его лицо, и я на мгновение замерла, разглядывая незнакомца.

Тёмная кожа. Не смуглая, не загорелая, а именно тёмная — глубокого, насыщенного оттенка старого дерева или дорогого шоколада. Коротко стриженные чёрные волосы, тронутые сединой на висках. Высокие скулы, прямой нос, тонкие губы. И глаза — неожиданно светлые на таком тёмном

лице. Серые? Голубые? В полумраке сложно было разобрать, но они смотрели на меня спокойно и внимательно, без агрессии, без любопытства. Просто оценивали.

Лет сорок пять. Может, пятьдесят. Трудно сказать. В этом мире возраст определялся по каким-то другим признакам.

Он перевёл взгляд с меня на Каэля, лежащего без сознания, и обратно. Осмотрел наши раны, мою пропитанную кровью одежду, разорванную рубашку Каэля. Его лицо не изменилось, но в глазах мелькнуло что-то похожее на понимание.

Я открыла рот. В голове лихорадочно прокручивались оправдания, объяснения, ложь, которую я могла бы выдать.

«На нас напали. Мы не местные. Мы просто путники, забрели не туда. Мы заплатим за комнату, мы уйдём, мы...»

— На нас напали, — выпалила я первое, что пришло в голову. — Мы не хотели никаких проблем, мы просто...

Он поднял руку, останавливая меня.

— Я знаю, — сказал он. Голос оказался низким, чуть хрипловатым, с лёгким акцентом, который делал его речь тягучей и спокойной. — Меня послал Сайхан.

Я замерла.

Сайхан. Старый целитель из Ихастана. Тот, кто выходил нас, кто дал кров и еду, кто помог найти дорогу в библиотеку. Тот, кому я... доверяла? Кажется, да. Настолько, насколько вообще можно было кому-то доверять в этом мире.

— Сайхан? — переспросила я, и в моём голосе проскольз-

нула надежда, которую я не успела задавить. — Он... он знает, что мы здесь?

Мужчина кивнул, осторожно опуская руки.

— Он предупредил меня несколько дней назад. Сказал, что в городе появятся важные для него люди. Сказал, что им может понадобиться помощь. — Он помолчал, снова окидывая взглядом комнату, и добавил: — Похоже, он был прав.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри борются два совершенно разных импульса.

Первый — старый, выученный ещё в моём мире, в моей прошлой жизни: «Не доверяй незнакомцам. Не доверяй никому. Каждый может оказаться врагом».

Второй — новый, тот, что появился после ритуала. Тот, что шевелился сейчас в глубине моего существа вместе с тяжёлым, древним пульсом. И этот второй импульс говорил мне: «Он не опасен. Он говорит правду. Ты можешь...»

Я тряхнула головой, прогоняя наваждение. С каких пор я доверяю своим чувствам? Я врач. Я должна опираться на факты, на логику, на...

— Здесь оставаться опасно, — прервал мои мысли мужчина. Он говорил тихо, но твёрдо, и в его голосе не было места для споров. — Дело не только в ваших врагах. Хотя они, судя по вашему состоянию, действительно близко.

Он сделал паузу и посмотрел мне прямо в глаза.

Я физически ощутила этот взгляд. Он скользнул по моему лицу, задержался на секунду дольше, чем нужно, и я вдруг

поняла: он видит. Он смотрит на мои глаза и видит то, что я сама видела в луже крови. Золотой отсвет. Вертикальный зрачок.

Его веки чуть прищурились. Совсем чуть-чуть. На долю секунды на его лице отразилось что-то — удивление? Понимание? — но тут же исчезло, стёртое маской спокойствия.

Он ничего не сказал.

Просто продолжил, будто ничего не произошло:

— Но дело ещё и в любопытных жителях. В Гааль-Нуре не любят, когда в их домах происходят странные вещи. А ваша комната... — он обвёл рукой пространство, указывая на опрокинутую мебель, на пятна крови на полу, — ...привлекает внимание. Рано или поздно кто-то постучит. И это будут не друзья.

Я слушала и понимала, что он прав. Каждое слово было правдой. Мы были как открытая рана в этом городе — кровоточащая, заметная, уязвимая. Любой мог войти. Любой мог добить.

Мужчина шагнул ближе, и я инстинктивно напряглась, но он остановился на безопасном расстоянии и протянул руку к небольшой сумке, висевшей у него на поясе.

— Меня зовут Зафар, — сказал он, доставая глиняный кувшин с плотной крышкой. — Я друг Сайхана. И я здесь, чтобы помочь, если вы позволите.

Он поставил кувшин на пол между нами, открутил крышку, и по комнате поплыл тёплый, травяной запах. Мята?

Что-то ещё. Что-то знакомое, что я пила в доме Сайхана.

— Чай, — пояснил Зафар. — Восстанавливающий. Сайхан сказал, что ты... — он запнулся, будто подбирая слово, — ...целительница. И что после сильного истощения тебе нужно пить именно это.

Я смотрела на кувшин. Пар поднимался над горлышком, тонкий, приглашающий.

Не пей. Никогда не пей ничего от незнакомцев. Это может быть яд. Это может быть сонное зелье. Это может быть что угодно.

Я перевела взгляд на Каэля. Он лежал всё так же неподвижно, бледный, с запавшими щеками. Если Зафар хотел нас убить, ему не нужен был яд. Достаточно было просто уйти и оставить нас здесь. Или привести тех, кто нас ищет.

Я посмотрела на Зафара. На его спокойное лицо, на светлые глаза на тёмной коже, на руки, которые даже не тянулись к оружию. И внутри меня снова шевельнулось то новое, тяжёлое, горячее.

«Доверься».

Я не знала, был ли это голос интуиции, голос моего обострившегося дара или голос того, что теперь спало в моих зрачках. Но я его послушала.

Потому что выбирать было не из чего.

— Хорошо, — выдохнула я и сделала шаг вперёд, поднимая кувшин с пола.

Глина была тёплой. Я поднесла кувшин к губам и сделала

маленький глоток.

Чай оказался именно таким, как пах — мятным, чуть горьковатым, с привкусом мёда. Тёплая жидкость обожгла пересохшее горло, потекла внутрь, разливаясь по телу.

— Что... — попыталась сказать я, но язык уже слушался плохо.

Я увидела, как лицо Зафара расплывается в моём поле зрения. Он что-то говорил, но слова доносились будто сквозь толщу воды.

«Он меня отравил. Я идиотка. Я повелась. Я...»

Но страха не было.

Странно. Совсем не было страха. Только бесконечная, всепоглощающая усталость и благодарность за то, что сейчас, наконец, можно закрыть глаза. Перестать думать. Перестать бояться. Перестать чувствовать эту жуткую боль во всём теле.

Кувшин выскользнул из пальцев. Кажется, Зафар его поймал — или мне показалось? Я уже не понимала.

Я падала. Медленно, бесконечно долго. Где-то на краю сознания мелькнула мысль о Каэле — беззащитном, спящем, не знающем, что происходит. Но даже эта мысль не смогла пробиться сквозь накатывающую тьму.

«Прости, — подумала я ему, проваливаясь. — Я пыталась. Я правда пыталась...»

Тьма сомкнулась надо мной, и в этот раз я даже обрадовалась ей.

Потому что в ней не было золотых глаз. Не было чудовищ.
Не было боли.

В ней был только покой.

Глава 3

Сознание возвращалось медленно, неохотно, будто я выныривала из глубокого омута, цепляясь за каждый глоток воздуха.

Первое, что я почувствовала, — запах. Травы. Сотни трав, развешанных пучками, разложенных на полках, настаивающихся в глиняных горшочках. Тот самый запах, который я запомнила навсегда.

Ихастан.

Мысль пронзила сознание, и я резко открыла глаза.

Потолок. Деревянные балки. Знакомые. Очень знакомые.

Я села на кровати слишком резко — и тут же зашипела от боли, пронзившей всё тело. Мышцы горели огнём, кости ныли, каждый сустав, каждая клетка кричали о том, что я сделала с ними что-то непоправимое. Будто меня били палками. Долго. Тщательно. С наслаждением.

Я зажала рот рукой, подавляя стон, и огляделась.

Комната Сайхана. Та самая, где мы жили несколько дней после пустыни. Та же кровать, то же окно с резными ставнями, тот же кувшин с водой на столике.

Как?

Как мы здесь оказались?

Последнее, что я помнила, — Зафар, чай и тьма, в которую я провалилась с почти благодарностью. А до этого —

кровавый кошмар в Гааль-Нуре, раненый Каэль, дракон в моих глазах.

Каэль.

Я резко повернула голову, и боль в шее отозвалась новым спазмом.

Рядом никого не было.

Кровать, на которой он должен был лежать, — та, вторая, у стены, — была пуста. Аккуратно застелена. Холодна.

Сердце пропустило удар, а потом забилось где-то в горле, панически, часто, заглушая все остальные звуки.

Где он? Что с ним? Жив ли? Успела ли я? А если нет? А если Зафар всё-таки оказался врагом, а я, идиотка, повелась на тёплый чай и спокойный голос? А если...

Я отбросила одеяло и попыталась встать.

Ноги подкосились сразу. Мир качнулся, пол ушёл из-под ног, и я вцепилась в край кровати, судорожно хватая ртом воздух. В глазах потемнело, в ушах зашумело, и несколько секунд я просто висела на краю, молясь всем богам, которых успела узнать в этом мире, чтобы не упасть.

«Тихо, тихо, тихо», — приказала я себе, заставляя дыхание выровняться. — «Ты врач. Ты знаешь, что делать при потере сознания. Голова ниже колен. Глубокий вдох. Медленный выдох».

Я послушалась собственного совета. Села обратно на кровать, опустила голову между коленей, закрыла глаза и просто дышала. Секунда. Другая. Третья.

Темнота перед глазами рассеялась. Шум в ушах стих.

Я снова подняла голову и прислушалась.

Голоса. Где-то далеко. Приглушённые стеной и расстоянием. Я не могла разобрать слов, но слышала интонации. Мужские. Двое. Один — низкий, спокойный, тягучий. Сайхан. Второй — чуть выше, напряжённый, но родной до боли.

Каэль.

Облегчение захлестнуло меня с такой силой, что я едва не разрыдалась прямо здесь, на этой кровати, в окружении пахнущих травами стен. Жив. Он жив. Он разговаривает. Значит, очнулся. Значит, я успела. Значит, всё не зря.

Я снова встала. Медленнее на этот раз. Осторожнее. Держась за стену, за спинку кровати, за косяк двери. Каждый шаг давался с трудом, каждый мускул моего тела кричал: «Ляг обратно, дура, куда ты прёшься?» Но я упрямо шла.

Мне нужно было его увидеть. Убедиться, что это не сон. Что он действительно здесь, живой, целый.

Я вышла в коридор. Голоса стали громче. Они доносились из внутреннего дворика — того самого, где мы когда-то пили чай и обсуждали карты. Я узнала дорогу, хотя ноги заплетались, а стены слегка покачивались перед глазами.

Свет ударил в лицо, когда я толкнула дверь во двор.

Я зажмурилась на секунду, привыкая к солнцу, а когда открыла глаза, — увидела их.

Сайхан сидел на каменной скамье под раскидистым деревом с серебристыми листьями. В руках он держал глиняную

кружку, от которой поднимался пар. Напротив него, на такой же скамье, сидел Каэль.

Он был бледен. Даже со спины я видела, как осунулись его плечи, как напряжена спина. Но он сидел прямо. Разговаривал. Жил.

Их беседа оборвалась в ту же секунду, как я появилась в дверях.

Каэль обернулся так резко, будто его ударили током. Наши взгляды встретились, и я увидела в его глазах столько всего сразу — облегчение, тревогу, вину, любовь, страх, — что у меня перехватило дыхание.

А потом он сорвался с места.

— Алина!

Он бросился ко мне через весь двор с такой скоростью, с таким отчаянием, будто за ним гнались демоны. Я даже сделать шаг не успела — он уже был рядом, его руки уже обхватили меня, сжимая до хруста, прижимая к себе так крепко, будто я могла исчезнуть в любую секунду.

— Тише-тише, — пробормотала я куда-то в его плечо, потому что моё лицо оказалось зажато между его ключицей и тканью рубашки. — Я же не стеклянная.

Он отстранился ровно настолько, чтобы заглянуть мне в лицо, и я увидела, как побелели его костяшки на моих плечах.

— Ты должна быть в постели, — выдохнул он. В его голосе звучала паника, которую он даже не пытался скрыть. — Тебе

нельзя вставать. Сайхан сказал, что ты...

— Я в порядке, — перебила я, хотя тело вопило об обратном. — Каэль, что случилось? Как мы здесь? Сколько я...

— Три дня, — сказал он, и его пальцы сжались сильнее. — Ты спала три дня, Алина.

Три дня.

Я моргнула, пытаюсь осознать это. Три дня моей жизни просто исчезли. Три дня, пока я валялась без сознания, мир продолжал существовать, враги продолжали охотиться, а Каэль...

Я посмотрела на него внимательнее. Синяки под глазами. Глубокая складка между бровей. Рубашка чистая, но чужая — видимо, Сайхан дал. И этот взгляд... этот взгляд, которым он меня сейчас пожирал, будто боялся, что я растворюсь в воздухе.

— Каэль, — я положила ладонь на его щеку, заставляя смотреть на меня. — Я в порядке. Правда. Просто... помоги мне сесть.

Он тут же подхватил меня под локоть, поддерживая, почти неся, будто я была инвалидом, который вот-вот рухнет. Мы сделали несколько шагов к скамье, и я чувствовала себя ужасно неловко — его забота была какой-то... чрезмерной. Липкой. Пугающей своей интенсивностью.

Что с ним?

Сайхан поднялся нам навстречу и склонил голову в лёгком поклоне.

— Алина, — его голос, как всегда, был спокоен и тёпл. — Рад видеть тебя в сознании. Как ты себя чувствуешь?

— Отлично, — соврала я, усаживаясь на скамью и стараясь не показывать, как дрожат ноги.

Сайхан посмотрел на меня с лёгкой усмешкой в уголках губ — он явно не поверил ни единому слову. Но промолчал.

Я перевела дыхание и выпалила всё разом, не давая себе времени подумать:

— Что случилось? Как мы здесь оказались? Где Зафар? Он был другом или врагом? Что в том чае было? Почему я спала три дня? Ты в порядке? — я повернулась к Каэлю. — Ты очнулся раньше? Почему? Твоя рана? Проклятие? Оно точно ушло? И мои глаза — ты видел? Сайхан видел? Что со мной?

Я замолчала, потому что закончился воздух. И потому что оба мужчины смотрели на меня с совершенно разными выражениями лиц.

Сайхан — с понимающей полуулыбкой, будто наблюдал за забавным зверьком.

Каэль — с болью. С такой откровенной, неприкрытой болью, что у меня сердце сжалось.

— Алина, — начал он, и его голос дрогнул. — Ты...

— Она задала хорошие вопросы, — мягко перебил его Сайхан, опускаясь обратно на скамью. — И заслуживает ответов. Но сначала — дыши, девочка. Ты только что очнулась после трёх дней комы, и твой организм ещё не готов к таким

нагрузкам.

Я хотела возразить, но Сайхан поднял руку, останавливая меня.

— По порядку. Зафар — мой старый друг. Ему можно доверять. Чай, который он тебе дал, был не ядом, а сильнейшим снотворным, замешанным на восстанавливающих травах. Твоё тело было на грани полного истощения. Если бы ты не проспала эти три дня, ты могла бы умереть от перенапряжения. Я просил его дать тебе этот чай, если он увидит, что ты в критическом состоянии.

Я открыла рот, чтобы возмутиться — меня никто не спросил! — и закрыла. Потому что он был прав. Я чувствовала себя разбитой даже сейчас, после трёх дней сна. А что было бы, если бы я продолжала бодрствовать?

— Вас доставили сюда на второй день, — продолжил Сайхан. — Зафар организовал безопасный переход. Это было непросто — Гааль-Нур не любит, когда из него вывозят людей без сознания. Но он справился.

— А... — я сглотнула, — а Маэлгор? Культ?

— О них пока ничего не слышно, — ответил Сайхан, и в его голосе впервые проскользнула тень тревоги. — Но это не значит, что они отступились. Скорее всего, готовятся.

Я кивнула, переваривая информацию, и перевела взгляд на Каэля.

— Ты. Ты очнулся раньше. Твоя рана...

Каэль опустил глаза.

— Я очнулся через несколько часов после того, как нас привезли сюда, — сказал он тихо. — Сайхан сказал, что я... что ты отдала мне слишком много. Что если бы не ты, я бы...

Он не договорил. Сглотнул. И я вдруг поняла, что он сейчас на грани. Что этот сильный, гордый мужчина, принц драконов, едва сдерживается, чтобы не разрыдаться прямо здесь, перед Сайханом, передо мной.

— Каэль, — я коснулась его руки. — Я же Хранитель. Это моя работа.

Он поднял на меня глаза, и в них было столько боли, что я отшатнулась.

— Твоя работа — не умирать за меня, — выдохнул он. — Твоя работа — быть рядом. А ты... ты почти...

— Но не умерла же, — перебила я, сжимая его пальцы. — Я здесь. Я жива. И ты жив. Значит, всё правильно.

Он хотел что-то сказать, но Сайхан кашлянул, привлекая внимание.

— Алина, — сказал он мягко, — ты спросила про глаза. Я видел.

Я замерла.

Сайхан посмотрел на меня с тем же спокойным, понимающим выражением, с каким смотрел всегда. Без страха. Без отвращения. Без жадного любопытства.

— Я пока изучаю этот вопрос, — сказал он просто. — Это не проклятие и не болезнь. Это... что-то еще.

Я почувствовала, как Каэль рядом напрягся. Он знал?

Они уже говорили об этом без меня? Мне казалось, что они что-то скрывают от меня.

— Что это значит? — спросила я, глядя прямо в глаза старому целителю. — Что я теперь? Человек? Дракон? Чудовище?

Сайхан покачал головой.

— Ты — Алина. Хранитель, целитель, та, кто отдала всё ради любви. А золото в твоих глазах — лишь отражение того, что у тебя внутри. Это не делает тебя монстром. Это делает тебя... другой. Не такой, как прежде.

Я сглотнула.

— И что мне теперь делать?

Сайхан переглянулся с Каэлем, и в этом взгляде было что-то, что мне очень не понравилось. Какая-то невысказанная правда. Какое-то знание, которое они оба носили в себе, пока я спала.

— Сначала — поесть, — сказал Сайхан, поднимаясь со скамьи. — А потом — поговорим. У нас есть время. Небольшое, но есть.

Он ушёл во внутренние покои, оставляя нас с Каэлем наедине во двореке.

Я повернулась к нему. Он смотрел на меня, и в его глазах было столько всего, что я тонула.

— Каэль, — сказала я тихо. — Что ты от меня скрываешь?

Он молчал долго. Очень долго. А потом протянул руку и коснулся моего лица, проводя пальцем по скуле, останавли-

ваясь у уголка глаза.

— Я люблю тебя, — сказал он просто. — И я никогда себе не прощу, если с тобой что-то случится из-за меня.

Я открыла рот, чтобы ответить, но он покачал головой.

— Не сейчас. Сначала — еда. Потом — разговор. Обещаю.

Я хотела возразить. Хотела настоять на своём. Но в этот момент мой желудок издал такой жалобный звук, что даже Каэль не сдержал слабой улыбки.

— Идём, — сказал он, поднимаясь и подавая мне руку. — Сайхан прав. Ты должна восстановить силы.

Я взяла его за руку и позволила себя поднять. Тело всё ещё ныло, голова кружилась, а в глазах, в самой глубине, пульсировало золото, напоминая о том, что я больше не та Алина, которая когда-то пила дешёвый кофе в больничной ординаторской.

Но его рука в моей была тёплой и надёжной.

И пока этого было достаточно.

Глава 4

Сайхан принёс еду сам — большой поднос, который он с какой-то отеческой гордостью водрузил на низкий каменный стол между нами.

— Ешьте, — сказал он тоном, не терпящим возражений.
— Оба. И не вздумайте оставлять хотя бы крошку.

Я смотрела на поднос и чувствовала, как у меня сводит желудок от голода. Только сейчас, когда запах еды ударил в нос, я поняла, насколько же я пуста внутри. Лепёшки, ещё тёплые, с золотистой корочкой, миска с чем-то, напоминающим чечевичную похлёбку, сыр, нарезанный тонкими ломтиками, вяленое мясо, оливки, свежие фрукты, которых я даже не узнавала, и кувшин с травяным чаем.

— Спасибо, — выдохнула я и, не дожидаясь приглашения, схватила лепёшку.

Я откусила огромный кусок, даже не прожевав как следует, и тут же потянулась за сыром. Вкус взорвался на языке — тёплый хлеб, чуть солёный сыр, пряные травы, которыми была посыпана лепёшка. Я закрыла глаза от удовольствия и поняла, что в жизни не ела ничего вкуснее.

— Я, кажется, начинаю понимать, почему ты не умирала с голоду в пустыне, — раздался рядом тихий смех.

Я открыла глаза и увидела, что Каэль смотрит на меня с лёгкой усмешкой. Он сидел, подперев голову рукой, и на-

блюдал за тем, как я сметаю всё с подноса с такой скоростью, будто за мной гнались.

— Что? — спросила я с набитым ртом. — Я три дня не ела.

— Я заметил, — сказал он, и в его голосе звучало такое тепло, что я на секунду замерла с лепёшкой у рта.

Он протянул руку и вытер крошку с моей щеки. Движение было таким естественным, таким привычным, что у меня перехватило дыхание.

— Ешь, — сказал он мягко. — Я не тороплю.

Я посмотрела на его тарелку — он почти ничего не тронул.

— Ты тоже ешь, — приказала я, стараясь придать голосу твёрдости. — Тебе нужно восстанавливаться не меньше, чем мне.

— Я уже поел, пока ты спала, — ответил он, но всё же взял лепёшку и отломил кусочек, чтобы меня успокоить.

Мы ели в тишине. Не в той напряжённой тишине, когда не знаешь, о чём говорить, а в той удивительной, почти забытой тишине, когда слова просто не нужны.

Ветер дул с востока, тёплый, сухой, пахнувший пустыней и пряностями. Он шевелил серебристые листья дерева над нашими головами, и они тихо шуршали, создавая музыку, которой не было у нас в Гааль-Нуре. Солнце клонилось к закату, раскрашивая стены Ихастана в розовые и золотые тона. Где-то вдалеке кричали птицы — резко, гортанно, но этот

звук не нарушал покоя, а, наоборот, подчёркивал его.

Я откинулась на спинку скамьи, держа в руках кружку с чаем, и вдруг поняла, что впервые за... за сколько? За месяцы? — я чувствую себя в безопасности.

Сайхан где-то в доме, шуршит своими травами. Каэль сидит рядом, живой, тёплый, почти здоровый. Солнце садится. Вкус хлеба и сыра всё ещё на губах.

И внутри меня, сквозь усталость, сквозь боль, сквозь страх, пробивается что-то маленькое, хрупкое, но невероятно яркое.

Счастье.

Я сжала кружку пальцами и улыбнулась своим мыслям. Как же давно я не чувствовала ничего подобного. В моём мире счастье было простым — горячий кофе в ординаторской, удачная операция, выходной, когда можно выспаться. А здесь, в Эларионе, счастье стало таким острым, таким драгоценным, потому что за него всегда приходилось платить.

— О чём ты думаешь? — спросил Каэль, и я почувствовала, как его взгляд скользит по моему лицу.

— О том, что я счастлива, — ответила я честно и тут же почувствовала, как краснею.

Он не засмеялся. Не сказал ничего банального. Просто улыбнулся той своей редкой улыбкой, которую я видела всего несколько раз, — тёплой, немного грустной, настоящей.

— Я тоже, — сказал он тихо. — Несмотря ни на что.

Мы помолчали ещё немного. Ветер стих, и стало совсем

тихо, только наши дыхания и далёкий крик птиц.

— Каэль, — я отставила кружку и повернулась к нему. — Расскажи мне подробнее, как ты себя чувствуешь. По-настоящему.

Он поморщился, будто я задала неприятный вопрос, но я смотрела на него в упор, давая понять, что врать бесполезно.

— Проклятия больше нет, — сказал он после паузы. — Это я чувствую точно. Тот холод, который сидел во мне годами, исчез. Дышать стало легче. Словно... сняли оковы, о которых я даже не подозревал.

— Но?

— Но я слаб, — признал он. — Твоя жертва восстановила мою сущность, но моё тело ещё не привыкло к тому, что теперь внутри нет постоянной борьбы. Сайхан говорит, что это пройдёт. Нужно время.

— Сколько?

— Неделя. Может, две. — Он пожал плечами. — Я не собираюсь ждать две недели, если ты об этом.

— Я не об этом, — ответила я и поймала себя на том, что машинально касаюсь собственной груди, туда, где под рёбрами пульсировало чужое тепло. — Я о том, что твоё восстановление важнее всего. Если мы пойдём в бой раньше времени...

— Мы не пойдём в бой, — перебил он. — Во всяком случае, я не поведу тебя в бой, пока ты сама едва стоишь на ногах.

— Я стою, — обиделась я.

— Ты шатаешься, — парировал он, но без злости, скорее с беспокойством. — И мы оба это знаем.

Я хотела возразить, но он был прав. Мои руки до сих пор дрожали, когда я подносила кружку ко рту. Ноги гудели после короткого пути от кровати до двора. Я была пустой оболочкой, которую наполнили чужим огнём, и этот огонь жёг меня изнутри.

— Ладно, — сдалась я. — Допустим. Но что дальше? Маэлгор не отступится. Ты сам говорил, он выследил нас по всплеску магии во время ритуала. Если он узнает, что ты свободен от проклятия...

— Он узнает, — кивнул Каэль, и его лицо стало жёстче. — Рано или поздно. Скорее рано. У него везде глаза и уши. — И что тогда?

Каэль замолчал. Он смотрел куда-то в сторону, на стены Ихастана, на тени, которые становились всё длиннее, на багровое закатное небо.

— Нам нужно вернуться в королевство, — сказал он наконец. — Я должен понять, что происходит там. Пока мы бежали за артефактами, пока я был отравлен, Маэлгор укреплял свою власть. Двор, армия, знать — я не знаю, кто остался на моей стороне. Если вообще кто-то остался.

В его голосе проскользнула горечь, и я сжала его руку.

— Ты думаешь, война неизбежна?

Он повернулся ко мне, и в его глазах я увидела ответ, ко-

того боялась.

— Маэлгор не остановится. Он хочет не просто трон, Али-на. Он хочет то, что внутри меня. То, что теперь отчасти и внутри тебя. — Его пальцы сжали мои. — И он пойдёт на всё, чтобы это получить. Если для этого нужно будет развязать войну — он её развяжет.

Я вспомнила лицо Маэлгора в Гааль-Нуре. Его улыбку, когда он предлагал мне сделку. Его ярость, когда культ отозвал его.

— Он сказал, что вернётся, — прошептала я. — Когда Великая Тень восстанет.

— Да, — кивнул Каэль. — И мы должны быть готовы.

Я посмотрела на наши сплетённые пальцы. Его рука была тёплой, сильной, живой. Совсем не такой, какой я её чувствовала там, в Гааль-Нуре, когда из него утекала жизнь.

— Значит, будем готовиться, — сказала я просто.

Каэль поднял бровь.

— Ты не боишься?

— Боюсь, — честно ответила я. — До ужаса. Но я не для того тебя спасала, чтобы потом сидеть сложа руки и ждать, пока твой брат придёт и прикончит нас обоих.

Он усмехнулся. Невесело, но искренне.

— Ты невыносима, знаешь?

— Врач, — пожала я плечами. — Профессиональная привычка. Доводить дело до конца.

Мы сидели рядом, глядя на закат, и я чувствовала, как

тьма сгущается не только за стенами Ихастана, но и внутри меня — золотая, тёплая, живая. И эта тьма больше не пугала меня.

— Каэль, — спросила я тихо. — А если мы вернёмся, и окажется, что весь двор на стороне Маэлгора? Что тогда?

Он помолчал, и в его молчании было столько тяжести, что я пожалела о вопросе.

— Тогда нам придётся найти тех, кто остался верен, — ответил он наконец. — И начать войну. Не за трон. За жизнь.

— За жизнь, — повторила я, пробуя слово на вкус.

Солнце село. Дворик погрузился в синие сумерки. Где-то зажгли светильники — их мягкий свет пробивался сквозь резные ставни, рисуя на камне причудливые узоры.

— Идём, — сказал Каэль, поднимаясь. — Тебе нужно отдышаться.

— А тебе? — спросила я, позволяя ему помочь мне встать.

— Я посижу ещё немного, — ответил он, но не отпустил мою руку.

Я смотрела на его профиль в сумерках — твёрдый, сосредоточенный, но в уголках губ затаилась какая-то странная нежность. И я поняла, что не хочу уходить. Не сейчас. Не в этот вечер, когда я впервые за долгое время почувствовала себя живой.

— Я посижу с тобой, — сказала я, опускаясь обратно на скамью.

— Алина...

— Каэль, — передразнила я. — Я три дня проспала. Если я сейчас пойду в кровать, то буду ворочаться до утра. А здесь тепло, тихо и ты рядом.

Он вздохнул, и в этом вздохе было столько всего — и раздражение на моё упрямство, и благодарность, и что-то ещё, чему я не смела дать имя.

— Упрямая, — сказал он, садясь рядом.

— Знаю, — улыбнулась я и придвинулась ближе, чтобы плечом чувствовать его плечо.

Мы сидели в темноте, слушая, как шуршит дерево и кричат далёкие птицы, и смотрели на звёзды, которые зажигались одна за другой над пустыней. И в этом моменте, среди всей этой бесконечной, изматывающей войны, была такая глубокая, такая уязвимая тишина, что я почти поверила — всё будет хорошо.

Почти.

Глава 5

Закат в Ихастане оказался таким, каким я его запомнила в первый раз — невероятным. Небо полыхало багрянцем и золотом, облака превратились в расплавленный металл, и даже стены из песчаника, казалось, впитали в себя этот свет, светясь изнутри тёплым, медовым сиянием.

Мы сидели всё в том же дворике, но теперь Сайхан принёс нам кувшин с вином и две глиняные чашки. Вино оказалось густым, янтарным, сладким и тягучим, с привкусом, который я не могла определить, но Сайхан что-то пробормотал про фрукты, растущие в оазисах.

— Абрикосы, — сказала я, сделав глоток. — Похоже на абрикосы.

— На что? — переспросил Каэль, и я на секунду задумалась — есть ли в этом мире абрикосы.

— Фрукты, — ответила я уклончиво. — В моём мире такие есть.

Он не стал спрашивать дальше. Просто кивнул и сделал глоток из своей чашки, глядя на закат.

Птицы — те самые, что кричали днём — теперь пели иначе. Тихо, меланхолично, как будто прощались с уходящим днём. Их песня была такой же тягучей, как это вино, и такой же тёплой.

Я сидела на скамье, привалившись к Каэлю плечом, чув-

ствуя, как его дыхание поднимает маленькие пряди моих волос. А потом он подвинулся, устраиваясь удобнее, и лёгенько потянул меня за плечо.

— Ложись, — сказал он тихо.

Я послушалась. Опустила голову ему на колени, поджала ноги, свернувшись клубочком на каменной скамье, и закрыла глаза. Его пальцы тут же запутались в моих волосах, перебирая пряди, распутывая колтуны, которые накопились за три дня беспамятства. Движения были медленными, осторожными, почти невесомыми.

Солнце садилось, и его последние лучи скользили по моему лицу — тёплые, ласковые, как прикосновение. Я чувствовала тепло его ладоней сквозь волосы, чувствовала, как расслабляется тело, как уходит напряжение из плеч, из шеи, из каждой мышцы, которая ещё минуту назад ныла и болела.

— Хорошо, — выдохнула я, даже не заметив, как сказала это вслух.

Пальцы на секунду замерли, а потом продолжили своё дело.

Я лежала, слушала птиц, пила вино маленькими глотками, смотрела на небо, которое постепенно темнело, переходя от золота к меди, от меди к пурпуре, и чувствовала себя почти счастливой.

Почти.

Потому что внутри, под рёбрами, пульсировало чужое тепло, и в глубине зрачков тлел золотой огонь, и тишина во-

круг была слишком хрупкой, слишком обманчивой, чтобы быть настоящей.

— Каэль, — сказала я, не открывая глаз.

— Ммм?

— Что Сайхан сказал на самом деле? О том, что со мной случилось?

Пальцы в моих волосах замерли.

Наступила тишина. Та самая тишина, которая бывает перед грозой — тяжёлая, наэлектризованная, когда воздух буквально звенит от напряжения. Птицы замолчали. Даже ветер стих.

— Каэль, — я открыла глаза и посмотрела на него снизу вверх. — Не молчи. Я вижу, что вы что-то скрываете. Ты и Сайхан. Я не маленькая, я справлюсь.

Он смотрел куда-то вдаль, на тёмные стены Ихастана, на последнюю полосу заката, и лицо его было спокойным — слишком спокойным. Слишком контролируемым.

— Ты знаешь, что я чувствую связь, — сказала я тихо. — Я чувствую твою тревогу. Ты боишься за меня. Не просто боишься, а... чего-то боишься. Чего-то, что ты знаешь, а я нет.

Он выдохнул. Долго, тяжело, как будто выпускал из себя что-то, что сжимало грудь.

— Сайхан осматривал тебя, пока ты спала, — начал он медленно, подбирая слова. — Он видел твои глаза. Провёл несколько обрядов, чтобы понять, что именно изменилось в

тебе. И он... он нашёл кое-что.

Я ждала. Сердце колотилось где-то в горле.

— Что?

Каэль опустил взгляд, посмотрел на меня, и в его глазах я увидела что-то странное. Не страх. Не жалость. Скорее... неуверенность. Словно он боялся не моей реакции, а того, что я перестану быть той, кого он знал.

— Алина, — сказал он тихо. — Что ты знаешь о своих родителях? В твоём мире.

Вопрос застал меня врасплох. Я нахмурилась, пытаюсь понять, к чему он клонит.

— Ничего, — ответила я. — После аварии, ну, несчастного случая, меня определили в детский дом. Я не помню ничего совсем.

Каэль молчал, и в его молчании было что-то такое, от чего мне стало не по себе.

— Алина, — сказал он осторожно. — Ты когда-нибудь задумывалась, что не помнишь их не потому, что не хочешь, а потому что... не можешь?

Я села резко, чуть не опрокинув чашку с вином. Сердце забило быстрее, и я не знала почему. Просто какая-то смутная, непонятная тревога зашевелилась в груди.

— Что ты хочешь сказать?

Он смотрел на меня, и в его взгляде было столько сочувствия, что мне захотелось встать и уйти, чтобы не слышать того, что он скажет дальше.

— В Эларионе есть старые легенды, — сказал он. — Очень старые. Ещё времён Первого Дракона. О существах, которые рождались от союза дракона и человека. Люди-полудраконы. Их называли по-разному. Огненными детьми. Проклятым отродьем. Золотоглазыми.

У меня пересохло во рту.

— Их считали ошибкой природы, — продолжил Каэль. — Слишком слабыми, чтобы быть драконами. Слишком опасными, чтобы быть людьми. Их убивали. Или изгоняли. Легенды говорят, что они давно вымерли. Что природа сама исправила эту ошибку, и больше никто не родился с драконьей кровью в человеческом теле.

— Каэль, — мой голос звучал ровно, слишком ровно. — Какое это имеет отношение ко мне?

Он посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде не было ничего, кроме правды, и эта правда пугала меня больше любого оружия.

— Сайхан нашёл в тебе следы древней крови, Алина. Не моей — той, что я тебе передал, когда ты сшивала мою душу. А другой. Гораздо более старой. Которая была в тебе с рождения.

Мир качнулся.

Я слышала его слова, но не могла их осмыслить. Они бились о мой разум, как мотыльки о стекло, не находя входа.

— Это невозможно, — сказала я, и мой голос прозвучал чужим, далёким. — Я из другого мира. Я родилась на Земле.

— Ты уверена? — тихо спросил Каэль.

Я открыла рот, чтобы сказать «да», и замерла.

Потому что я не была уверена.

— Почему я не думала об этом раньше? — прошептала я вслух.

Каэль не ответил. Он просто смотрел на меня, и в его молчании я слышала ответ, который боялась принять.

— Ты хочешь сказать, — я сглотнула, — что я... что я не отсюда? Что я родилась здесь? В Эларионе?

— Я не знаю, — ответил он честно. — Я не знаю, где именно ты родилась. И как оказалась в твоём мире. Но твоя кровь, Алина... она древняя. И она драконья. Не та, что я тебе передал. Своя.

— Но это невозможно, — повторила я, и теперь в моём голосе слышалась паника. — Я человек. Я всегда была человеком. Я врач, я училась в медицинском, я...

— Ты всегда чувствовала чужую боль, — перебил он. — Как свою. Это никогда не казалось тебе странным?

Я замолчала.

Да. Это казалось мне странным. Всегда. С детства я чувствовала то, чего не должна была чувствовать. Сосед по парте, который упал на перемене, — я ощущала его боль в собственном колене. Старушка, которая подвернула ногу на улице, — у меня ныла лодыжка до самого вечера. Потом, в больнице, я научилась отгораживаться от этого, строить стены в сознании, фильтровать чужие страдания. Но они всегда

были. Всегда.

Я считала это эмпатией. Сверхспособностью, которую дали мне боги или природа, или просто странное устройство моего мозга.

Но эмпатия не заставляет твои глаза светиться золотом.

Эмпатия не оставляет в тебе следы древней крови.

— Я не понимаю, — сказала я, и голос дрогнул. — Как это вообще возможно? Как я могла родиться здесь, а вырасти там? Как я могла не знать? Как...

— Алина, — Каэль взял мои руки в свои, сжал, заставляя замолчать. — Я не знаю ответов. Я знаю только то, что сказал Сайхан. В тебе есть что-то, что не объясняется просто моим пламенем. Что-то, что было там задолго до того, как ты встретила меня. И это... это пугает меня. Не потому, что я боюсь тебя. А потому, что я боюсь за тебя.

Он замолчал, и я видела, как тяжело ему даются эти слова.

— Я не хотел говорить тебе, пока не буду уверен, — сказал он тихо. — Я хотел, чтобы Сайхан провёл ещё обряды, чтобы понять больше. Я боялся, что ты начнёшь переживать, накручивать себя, а тебе сейчас нужно восстанавливаться, а не...

— А не узнавать, что я, возможно, не человек? — закончила я за него.

Он посмотрел на меня с такой болью, что у меня сжалось сердце.

— Я не знаю, кто ты, — сказал он. — Но я знаю, что ты —

Алина. Та, кто спасла мне жизнь. Не один раз. Та, кто осталась, когда могла уйти. Та, кто отдала себя, чтобы я жил. И это важнее любой крови, любой древней истории, любого... происхождения.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри меня поднимается что-то тёмное и тяжёлое. Страх. Не перед ним. Перед собой. Перед тем, что я могла быть не той, кем себя считала. Перед тем, что моя жизнь, мои воспоминания, моё прошлое — всё это могло быть ложью.

— Каэль, — прошептала я. — А если это правда? Если я действительно... полудракон? Что это значит? Что я здесь делала? Кто меня перенёс? Зачем? И почему я ничего не помню?

— Мы узнаем, — сказал он твёрдо. — Обещаю тебе, мы узнаем всё. Но не сейчас. Сейчас ты должна набраться сил. И я должен набраться сил. А потом мы найдём ответы.

Я хотела верить ему. Правда хотела. Но внутри меня всё кричало о том, что покой, который я чувствовала ещё мину-ту назад, был иллюзией. Что тишина Ихастана — это затишье перед бурей. И что буря эта надвигается не только снару-жи, но и изнутри меня.

Я подняла чашку с вином и допила её одним глотком. Сладкий, тягучий вкус обжёг горло, но не принёс облегче-ния.

— Ты не должна бояться, — сказал Каэль, и его голос был таким тёплым, таким родным, что у меня на глаза наверну-

лись слёзы.

— Боюсь, — призналась я. — Я очень боюсь, что это окажется правдой.

Он обнял меня, прижимая к себе, и я уткнулась носом в его плечо, чувствуя, как его руки смыкаются вокруг меня, защищая от всего мира.

— Почему? — спросил он тихо.

Я молчала долго. Птицы снова запели, но теперь их песня казалась мне не мелодичной, а тревожной. Ветер поднялся, прохладный, колющий, и я поёжилась.

— Потому что если это правда, — сказала я наконец, — то я никогда не знала себя настоящую. Вся моя жизнь — ложь. Я даже не знаю, кем я родилась.

Каэль ничего не ответил. Он просто держал меня в своих объятиях, гладил по волосам, и я чувствовала, как его дыхание смешивается с моим, как наши сердца бьются в унисон.

Вечер уже не казался мне беспечным и спокойным. Золотой закат потух, и звёзды, которые мы считали минуту назад, теперь казались холодными и равнодушными. Внутри меня, под рёбрами, пульсировало чужое тепло, и я чувствовала, как оно смешивается с чем-то другим — более древним, более глубоким, тем, что ждало своего часа с самого моего рождения.

И я боялась.

Боялась не того, что за мной придут враги. Не того, что Маэлгор вернётся. Не того, что нас ждёт война.

Я боялась, что когда я узнаю правду о себе, я перестану быть той Алиной, которую знала. И не будет больше врача из больницы, который пил дешёвый кофе и смеялся с Наташей. Будет кто-то другой. Чужой. Незнакомый.

— Алина, — голос Каэля вырвал меня из омута мыслей.
— Я с тобой. Что бы ни случилось, я с тобой.

Я подняла голову и посмотрела на него. В темноте его глаза казались почти чёрными, но я знала, что на свету они светятся золотом. Тем самым золотом, которое теперь светилося и в моих.

— Ты тоже боишься? — спросила я.

Он помолчал, и в его молчании я услышала ответ.

— Да, — сказал он наконец. — Боюсь. Но не тебя. За тебя.

Мы сидели в темноте, обнявшись, слушая, как шуршит дерево и кричат далёкие птицы, и смотрели на звёзды, которые уже не казались такими яркими, как час назад.

И я поняла, что этот вечер — последний вечер покоя в моей жизни. Потому что завтра начнутся вопросы. И поиски. И ответы, которые могут уничтожить всё, что я знала о себе.

Но сейчас, в эту секунду, я была просто Алиной. В объятиях мужчины, который любил меня.

— Если это последняя ночь моего спокойствия, — сказала я, и мой голос прозвучал тише, чем я ожидала, но твёрже, — то я знаю, как хочу её провести.

Глава 6

Каэль замер. Я почувствовала, как напряглись его пальцы в моих волосах, как изменилось дыхание — стало глубже, тяжелее.

— Алина, — начал он, и в его голосе прозвучало предостережение, но не то, которое останавливает, а то, которое спрашивает: *ты уверена?*

Я не дала ему закончить.

Я придвинулась ближе, обхватила ладонями его лицо — колючие щёки, горячую кожу — и прижалась губами к его губам.

Поцелуй начался почти невинно. Просто соприкосновение, вопрос, ожидание ответа. Я чувствовала его дыхание на своей коже, чувствовала, как его сердце забилось быстрее — через связь это ощущалось так же остро, как своё собственное.

А потом он ответил.

Его руки скользнули мне на спину, притягивая ближе, и поцелуй углубился. Не грубо, не требовательно, но с какой-то отчаянной нежностью, будто он тоже боялся, что это — последний раз, когда он может меня касаться.

И в этот момент внутри меня что-то проснулось.

Я почувствовала это сразу — не как мысль, не как эмоцию, а как физическое, почти болезненное тепло. Оно под-

нималось откуда-то из глубины, из самого нутра, из того места, где спал золотой зверь. Оно растеклось по груди, спустилось в живот, обожгло кончики пальцев. Мои ладони, лежащие на его щеках, стали горячими — слишком горячими. Я чувствовала, как под кожей пульсирует что-то живое, что-то, что требовало движения, близости, его.

Это не было похоже на обычное желание. Это было древнее. Глубокое. Голодное.

Каэль отстранился первым, и я увидела, как расширились его зрачки, как тяжело он дышит. Его пальцы вцепились мне в плечи, и я чувствовала, как он борется с собой, как сдерживается, чтобы не сделать резкого движения.

— Алина, — его голос сел, превратился в хрип. — Ты... ты в этом уверена? Ты только очнулась, ты слаба, я...

Я не слушала.

Я снова прижалась к нему, теперь не губами, а всем телом. Провела руками по его плечам, вцепилась в ворот рубашки, чувствуя, как под тканью напрягаются мышцы. Огонь внутри меня разгорался, требуя выхода, и я больше не хотела его сдерживать.

— Я никогда не была так уверена, — прошептала я ему в губы.

Он замер на секунду, и я почувствовала, как внутри него что-то щёлкает, как рушится последняя преграда.

— Ты даже не представляешь, чего мне стоило всё это время держать себя в руках, — выдохнул он, и в его голосе было

столько напряжения, что у меня перехватило дыхание.

— Тогда перестань, — сказала я.

Я взяла его за руку. Мои пальцы дрожали — от желания, от огня внутри, от того, что я впервые в жизни чувствовала себя не просто женщиной, а чем-то большим. Чем-то, что может зажечь мир одним прикосновением.

— Идём, — сказала я и потянула его за собой.

Он не сопротивлялся.

Мы шли через двор, и я чувствовала, как его ладонь сжимает мою, как наши пальцы переплетаются, как его дыхание сбивается, когда я на секунду останавливаюсь, чтобы оглянуться.

Огонь внутри меня теперь не просто горел — он пел. Он звучал в унисон с его кровью, с его дыханием, с каждым биением его сердца, которое я чувствовала через нашу связь так же ясно, как своё собственное.

Мы вошли в дом. В коридоре было темно, и я на секунду ослепла после ярких звёзд, но Каэль вёл меня уверенно, будто знал каждую комнату наизусть.

— Твоя комната или моя? — спросил он, и в его голосе проскользнула тень усмешки, которая заставила мои колени ослабнуть.

Я остановилась, прижалась спиной к стене и потянула его за собой, чувствуя, как его тело накрывает меня, тёплое, сильное, живое.

— Не всё равно? — выдохнула я.

Он наклонился, и я почувствовала его губы на своей шее — лёгкое касание, от которого всё внутри меня сжалось и одновременно распрямилось. Огонь вспыхнул с новой силой, и я прикусила губу, чтобы не застонать.

— Мне не всё равно, — прошептал он, и его дыхание обожгло мою кожу. — Я хочу, чтобы тебе было удобно.

Я почти рассмеялась. Удобно. Сейчас, когда каждая клетка моего тела требовала его близости, когда внутри меня пел золотой зверь, а кровь кипела, как расплавленный металл, — он говорил об удобстве.

— Моя, — выдохнула я и снова потянула его за руку.

Мы прошли через коридор, мимо комнаты Сайхана — в ней горел тусклый свет, и я на секунду испугалась, что старый целитель выйдет и увидит нас, но дверь осталась закрытой.

Мы добрались до моей комнаты — той самой, где я провела три дня в беспамятстве, где меня выхаживали, где я впервые открыла глаза и не узнала себя в зеркале.

Я толкнула дверь, и она со скрипом отворилась.

В комнате было темно. Только лунный свет пробивался сквозь резные ставни, рисуя на полу причудливые узоры. Я шагнула внутрь, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, как дрожат руки, как внутри меня всё горит и тает одновременно.

Каэль вошёл следом.

Я повернулась к нему, замерла на секунду, рассматривая

его в этом призрачном свете. Высокий, сильный, с горящими глазами, в которых золото уже победило тьму. Мой принц. Мой дракон.

— Захлопни дверь, — сказала я, и мой голос прозвучал так, будто я командовала, хотя на самом деле умоляла.

Он шагнул ко мне, и я слышала, как дверь за его спиной закрылась с тихим, почти неслышным щелчком.

А потом он сделал ещё шаг. И ещё.

Я отступала, чувствуя спиной край кровати, и в этот момент поняла, что огонь внутри меня больше не ждёт. Он требует.

Каэль стоял в шаге от меня, и в лунном свете, пробивающемся сквозь ставни, его глаза горели золотом. Не тем сдержанным, почти человеческим золотом, которое я видела раньше. Нет. Теперь это был чистый, расплавленный свет, и я смотрела в него и видела своё отражение — такую же золотую, такую же горящую.

— Алина, — произнёс он, и в этом одном слове было столько всего, что у меня перехватило дыхание.

Я не ответила. Вместо этого я сделала шаг вперёд, сокращая расстояние, и потянулась к вороту его рубашки. Пальцы дрожали, пуговицы не слушались, и я с тихим рычанием дёрнула ткань, разрывая её. Послышался треск, и я почувствовала, как он усмехнулся — коротко, прерывисто.

— Нетерпеливая, — выдохнул он, и в его голосе не было упрёка.

— Слишком долго ждала, — ответила я, стягивая с него остатки рубашки.

Мои ладони коснулись его груди, и я замерла. Кожа была горячей, почти обжигающей, и под ней я чувствовала не просто мышцы — я чувствовала его сущность. Драконью кровь, текущую по венам. Пламя, которое он носил в себе с рождения. И когда мои пальцы скользнули по шраму в виде драконьего глаза, оставшемуся после удара чёрного клинка, я ощутила, как внутри меня отозвалось что-то древнее.

Мой огонь встретился с его огнём.

Каэль втянул воздух сквозь зубы, и его руки обхватили мою талию, притягивая вплотную. Я чувствовала его дыхание на своих губах, чувствовала, как его сердце бьётся в унисон с моим, как наши пульсы сливаются в один ритм.

— Ты горишь, — прошептал он, и в его голосе было удивление. — Я чувствую... ты вся горишь.

— Знаю, — ответила я, и это была правда.

Огонь внутри меня больше не тлел. Он пылал. Он поднимался откуда-то из глубины, из того места, где спала древняя кровь, о которой говорил Сайхан, и требовал выхода. Я чувствовала, как мои зрачки расширяются, как мир становится ярче, острее, как каждое прикосновение отдаётся во всём теле разрядом молнии.

Я потянула его за собой, падая на кровать, и мы рухнули в ворох одеял, переплетённые, горячие, почти безумные от желания. Моя одежда исчезла куда-то в темноте — я не за-

метила, когда он успел стянуть с меня платье, но теперь я лежала перед ним обнажённой, и его взгляд скользил по моему телу, и в этом взгляде было столько благоговения, что у меня защипало в глазах.

— Ты прекрасна, — сказал он, и его голос сорвался.

Я потянула его к себе, впиваясь губами в его губы, и этот поцелуй был совсем не нежным. Он был голодным, отчаянным, полным всего того, что мы копили месяцами, пока бежали, сражались, умирали и воскресали друг для друга.

Его руки скользили по моему телу, и каждое прикосновение было как искра. Мои пальцы впивались в его плечи, царапали спину, спускались ниже, и я чувствовала, как под моими ладонями напрягаются мышцы, как он сдерживает себя, чтобы не сделать больно.

— Не сдерживайся, — прошептала я ему в губы.

— Алина, я могу...

— Я не сломаюсь, — перебила я. — Я хочу чувствовать тебя. Всё.

Он посмотрел на меня, и в его глазах я увидела что-то первобытное. Дракон смотрел на меня из глубины его зрачков, и вместо страха я почувствовала только желание. Дикое, всепоглощающее.

Его губы нашли мою шею, спустились ниже, и я выгнулась, вцепившись пальцами в его волосы. Каждое касание его губ, каждый укус, каждый вдох отдавался во мне вспышкой огня. Я чувствовала, как моя кожа становится горячее, как

внутри меня что-то раскрывается, распускается, как цветок на солнце.

— Каэль, — выдохнула я, и моё собственное дыхание обожгло губы.

— Я здесь, — ответил он, и его голос был низким, хриплым, почти звериным. — Я всегда здесь.

Когда он вошёл в меня, мир взорвался золотом.

Я не знаю, было ли это реальным светом или просто ощущением, но вокруг нас будто вспыхнуло пламя. Я чувствовала его каждой клеткой, каждой частицей своего существа. Его ритм, его дыхание, его стоны — всё это смешивалось со мной, становилось мной.

А потом огонь внутри меня начал меняться.

Он больше не был просто теплом. Он становился мной. Я чувствовала, как древняя кровь, о которой говорил Сайхан, поднимается из глубины, как она смешивается с пламенем, которое Каэль передал мне в Гааль-Нуре, и создаёт что-то новое. Что-то, чему не было названия.

Мои пальцы, вцепившиеся в его спину, стали горячее. Я чувствовала, как под кожей пульсирует сила, как мир вокруг становится ярче, как каждый звук — его дыхание, скрип кровати, мои собственные стоны — отдаётся во мне многократным эхом.

— Алина, — выдохнул он, и я почувствовала, как он напрягся, как его руки сжали мои бёдра почти до боли. — Что... что происходит? Ты...

— Я не знаю, — прошептала я, и это было правдой. — Не останавливайся.

Он послушался.

Его движения стали быстрее, глубже, и каждый толчок разжигал во мне новый пожар. Я чувствовала, как приближаюсь к краю, как мир сужается до одной точки — его глаз, его губ, его рук, сжимающих меня.

И в этот момент огонь внутри меня разорвался.

Я закричала — не от боли, нет. От того, что наслаждение было таким острым, таким всепоглощающим, что оно не умещалось в моём теле. Я чувствовала, как мои зрачки заливают золотом, как где-то в глубине, там, где спала древняя кровь, распускаются крылья. Не настоящие — пока нет. Но они были. Я чувствовала их. Тяжёлые, горячие, живые.

Каэль вскрикнул, и я почувствовала, как его сущность откликается на мой огонь. Два пламени встретились, сплелись, стали одним.

Я взорвалась.

Волна наслаждения накрыла меня с головой, и на несколько бесконечных секунд я перестала существовать как отдельное существо. Я была огнём. Я была светом. Я была той древней силой, что спала во мне с рождения и наконец проснулась.

Каэль рухнул на меня, тяжело дыша, и я чувствовала, как его сердце колотится где-то рядом с моим, как наши дыхания смешиваются, как пот стекает по нашим телам, горячий,

липкий.

Я лежала под ним, глядя в потолок, и впервые за всю свою жизнь чувствовала себя целой.

Не человеком. Не драконом. Не тем и не другим.

Просто собой. Настоящей.

— Алина, — его голос прозвучал хрипло, испуганно. — Твои глаза... они...

Я медленно повернула голову и посмотрела на него. В темноте комнаты наши глаза горели одинаковым золотом, и в этом отражении я увидела себя такой, какой никогда не видела.

— Я знаю, — сказала я, и мой голос звучал спокойно, даже умиротворённо. — Теперь знаю.

Он приподнялся на локтях, глядя на меня с тревогой и восхищением одновременно.

— Что ты чувствуешь?

Я закрыла глаза и прислушалась к себе.

Огонь внутри больше не требовал выхода. Он стал частью меня, такой же естественной, как дыхание, как биение сердца. И рядом с ним, переплетённая с ним, пульсировала древняя кровь — моя кровь, которую я носила в себе всю жизнь, не зная об этом.

— Я чувствую себя... дома, — сказала я, и это была самая большая правда, которую я когда-либо произносила.

Каэль молчал, и я чувствовала через связь его смятение, его надежду, его любовь. Я открыла глаза и потянулась к

нему, притягивая ближе.

— Не бойся, — прошептала я. — Я всё та же Алина. Просто... теперь я знаю, кем была всегда.

Он уткнулся лицом в мои волосы, и я чувствовала, как его дыхание постепенно выравнивается, как напряжение уходит из мышц.

— Что теперь? — спросил он наконец.

Я посмотрела в окно, где луна уже клонилась к горизонту, и улыбнулась.

— Теперь мы будем искать ответы. Но не сегодня. Сегодня... сегодня я хочу просто быть с тобой.

Он поцеловал меня в висок, и в этом поцелуе было столько нежности, что у меня перехватило дыхание.

— Хорошо, — сказал он. — Сегодня мы просто будем.

Я закрыла глаза, чувствуя его тепло, его запах, его дыхание. Огонь внутри меня успокоился, свернулся клубком где-то глубоко, но не погас. Он ждал. Как ждал всю мою жизнь.

За окном занимался рассвет, и его первые лучи окрасили небо в розовый и золотой. Я смотрела на этот свет и понимала, что он теперь — часть меня.

И что бы ни ждало нас впереди — война, поиски, правда о моём прошлом — эту ночь никто у нас не отнимет.

Ночь, когда я впервые стала собой.

Глава 7

Я проснулась от света.

Он лился в комнату сквозь неплотно закрытые ставни, золотистый, тёплый, и на секунду мне показалось, что я всё ещё сплю и вижу сон. Потому что такого света не бывает в моём мире. В моём мире утро начиналось с серого неба над больницей, с жёлтого света ламп дневного освещения, с кофе из автомата.

Но это был не мой мир. И я была не той Алиной, что пила тот кофе.

Я открыла глаза и сразу поняла, что что-то изменилось. Моё тело больше не болело. Не ныло, не тянуло, не напоминало о себе каждым суставом. Вместо этого я чувствовала... лёгкость. Такую, будто из меня вынули груз, который я тащила годами, и теперь я могла дышать полной грудью.

Я потянулась, и мышцы отозвались приятной истомой, а не болью. В груди, там, где вчера пульсировал чужой огонь, теперь было спокойно. Тепло. И это тепло было моим.

Я повернула голову. Каэль спал рядом, его лицо было расслабленным, беззащитным, и я смотрела на него несколько минут, просто дыша в такт его дыханию. Он был красив. Не той холодной красотой, которая бросается в глаза, а той, настоящей, которую видишь, когда знаешь человека. Когда видела, как он умирал у тебя на руках. Когда чувствовала, как

его жизнь перетекает в твои ладони.

Я осторожно выбралась из постели, стараясь его не разбудить. Ноги держали твёрдо. Я подошла к маленькому зеркалу, которое стояло на столике у окна, и заглянула в него.

На меня смотрела незнакомка.

Знакомые черты — мои черты — но в глазах горело золото. Не ответ, не блик, а именно горело, как угли в глубине зрачка. Я наклонилась ближе, разглядывая себя. Кожа казалась светлее, чем обычно, или это просто контраст с тем, что было вчера? Волосы спутались после ночи, и я провела по ним рукой,правляя за ухо.

Я ждала страха. Или отвращения. Или хотя бы сомнения.

Но вместо этого я почувствовала только спокойствие.

— Я всё та же, — подумала я, глядя на своё отражение.

— Просто теперь я знаю, кем была всегда.

Я оделась в чистое платье, которое Сайхан оставил для меня — простое, льняное, с вышивкой на воротнике — и вышла во двор, оставив Каэля досыпать.

Сайхан уже был там. Он сидел на своей обычной скамье, перебирал какие-то травы и, казалось, вообще не спал. Или спал, но очень мало. Он поднял голову, когда я появилась, и его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на глазах, и он улыбнулся.

— Доброе утро, — сказал он, и в его голосе было что-то такое, отчего я смутилась. — Выглядишь... отдохнувшей.

— Доброе утро, — ответила я, стараясь, чтобы голос зву-

чал ровно. — Я чувствую себя... лучше. Гораздо лучше.

— Это видно, — кивнул он и подвинулся, освобождая место рядом. — Садись. Сейчас принесу завтрак.

Я села, и через несколько минут передо мной стоял поднос с лепёшками, сыром, фруктами, каким-то ароматным мясом и кувшином с чем-то, напоминающим йогурт. Сайхан поставил всё это передо мной и снова улыбнулся.

— Ешь, — сказал он. — Тебе нужно восстанавливать силы.

Я не заставила себя просить дважды.

Я съела три лепёшки, половину сыра, всё мясо, два фрукта, которые оказались сладкими и сочными, и выпила две чашки йогурта. И только когда потянулась за четвёртой лепёшкой, услышала сзади смех.

Я обернулась. Каэль стоял в дверях, прислонившись к косяку, и смотрел на меня с таким выражением, от которого у меня потеплело внутри. Он был босиком, волосы растрёпаны, рубашка надета наспех и не застёгнута до конца, открывая полосу шрама на груди.

— Я, кажется, пропустил самое интересное, — сказал он, и в его голосе звучало веселье.

— Ты ничего не пропустил, — ответила я, с вызовом откусывая от лепёшки. — Я просто голодная.

— Я вижу, — он подошёл и сел рядом, слишком близко, так что я чувствовала тепло его тела. — Ты всегда так ела или это новые способности?

— Каэль, — предостерегающе сказала я, но он только усмехнулся и потянулся за фруктом.

Сайхан смотрел на нас из-за своей кружки, и в уголках его губ пряталась улыбка — хитрая, понимающая, такая, от которой мне захотелось спрятаться под стол. Он ничего не сказал, но его взгляд говорил больше слов. Он знал. Конечно, знал. Это был его дом, и стены в нём, наверное, были тоньше, чем казались.

Я кашлянула и сосредоточилась на еде, чувствуя, как щёки заливают румянцем. Каэль, зараза, даже не смутился. Он спокойно взял лепёшку и начал есть, будто ничего не произошло.

— Я рассказал Алине о том, что ты нашёл, — сказал он, когда пауза затянулась. — О её крови.

Сайхан кивнул, и его лицо стало серьёзным.

— Я думал, ты расскажешь, — он посмотрел на меня. — И как ты к этому относишься?

Я отложила лепёшку, обдумывая ответ.

— Я не знаю, — честно сказала я. — Вчера я боялась. Сегодня... сегодня я чувствую себя иначе. Будто что-то внутри наконец-то встало на место. Но я не понимаю, что это значит. Что я теперь? Откуда я? И почему оказалась в другом мире?

Сайхан слушал молча, и когда я закончила, он отставил кружку.

— На эти вопросы у меня нет ответов, — сказал он. — То, что я нашёл в тебе, — лишь следы. Древние, едва уловимые.

Как запах после дождя в пустыне. Его можно почувствовать, но нельзя поймать.

— Но есть тот, кто может помочь? — спросил Каэль, и я почувствовала в его голосе напряжение. — Ты говорил, что знаешь, где искать.

Сайхан помолчал. Его взгляд стал отстранённым, будто он смотрел сквозь нас, сквозь стены Ихастана, куда-то очень далеко.

— Легенды и слухи — всё, что осталось о золотоглазых, — начал он медленно. — Их считали ошибкой, которую природа исправила. О них не писали в свитках, их имена не высекали на камне. Те немногие, кто выжил, предпочитали не оставлять следов.

— Но кто-то же знает, — настаивал Каэль. — Не может быть, чтобы всё исчезло бесследно.

— Есть один человек, — сказал Сайхан, и его голос изменился. В нём появилась осторожность, какая-то давняя, устоявшаяся привычка не произносить имён вслух. — Отшельник. Он живёт далеко отсюда, в горах на востоке. Говорят, он собирал знания всю жизнь. О драконах, о древней магии, о вещах, которые другие предпочитали забыть.

— Отшельник? — переспросила я. — Просто отшельник?

— Когда-то он был при дворе, — сказал Сайхан, и я заметила, как Каэль рядом со мной напрягся. Его пальцы, лежавшие на столе, сжались в кулак. — Давно. — Он посмотрел на Каэля. — Он был хранителем.

Я почувствовала, как Каэль замер. Совсем. Даже дыхание, кажется, остановилось.

— Чьим? — спросил он, и голос его был тихим, почти беззвучным.

Сайхан посмотрел на него с той мягкостью, которая бывает только у тех, кто знает, какую боль причиняют его слова.

— Твоей матери, — сказал он.

Тишина повисла над двориком, тяжёлая, как предгрозово́й воздух. Я смотрела на Каэля, на его побелевшие костяшки, на застывшее лицо, и чувствовала через связь, как внутри него поднимается что-то тёмное и болезненное.

— Он был с ней, когда она умерла, — продолжал Сайхан, и его голос был ровным, но в нём слышалась печаль. — После её смерти он покинул дворец. Не смог остаться. Говорят, он пытался её спасти, но не успел. Или не смог. И эта боль сломала его.

— Я помню его, — сказал Каэль, и в его голосе прорезалось что-то, чего я раньше не слышала. Горечь? Стыд? — Я был ребёнком. Но я помню, как он смотрел на неё. И как смотрел на меня после.

Сайхан молчал, давая ему пространство.

— При дворе ходили слухи, — продолжил Каэль, и его голос стал жёстче, будто он выплёвывал слова, которые носил в себе годами. — О том, что их связь была не просто связью хранителя и его госпожи. Говорили, что он слишком сильно её любил. Что его скорбь после её смерти была не

скорбью хранителя, а скорбью... — он запнулся, и я увидела, как дёрнулся его кадык. — Скорбью мужчины, потерявшего женщину.

Я взяла его руку, сжала. Он не ответил, но и не отнял.

— Люди всегда ищут объяснения тому, чего не понимают, — тихо сказал Сайхан. — И чаще всего находят самые простые, самые грязные. Это не значит, что они правы.

— Это значит, что они говорили о моём происхождении, — закончил Каэль. — Что я, возможно, не сын короля. Что во мне течёт кровь хранителя, а не дракона.

Я почувствовала, как внутри меня что-то вспыхнуло. Не огонь, а что-то другое. Гнев. За него, за мальчика, который рос с этими шёпотами, с этими сомнениями, с этим ядом, который вливали ему в уши с детства.

— Каэль, — начала я, но он покачал головой.

— Не сейчас, — сказал он, и его голос был спокойным, слишком спокойным. — Это не важно сейчас. Важно то, что этот человек — единственный, кто может знать о таких, как Алина. Он собирал знания. Он был при дворе. Он видел вещи, которые другие не видели.

Он повернулся к Сайхану.

— Где он?

Сайхан вздохнул, и в этом вздохе было столько всего — и усталость, и надежда, и страх.

— В горах за Гааль-Нуром. В месте, которое называют Гнездо Ворона. Он не принимает гостей. Он не покидает сво-

его убежища. Но если ты скажешь, кто ты, если он узнает, что ты — сын той, кого он не смог спасти... — Сайхан замолчал. — Возможно, он согласится говорить.

Каэль кивнул, и я увидела, как в его глазах загорается что-то — решимость, смешанная с болью.

— Значит, мне туда, — сказал он.

Я сжала его руку сильнее.

— Нам, — поправила я. Он посмотрел на меня, и в его взгляде я увидела ту же решимость, но под ней — что-то ещё. Благодарность? Или страх, что я тоже могу исчезнуть, как его мать?

— Нам, — повторил он, и его пальцы переплелись с моими. Сайхан смотрел на наши сплетённые руки, и в его глазах я прочитала что-то похожее на одобрение. Или на надежду.

— Тогда вам нужно готовиться, — сказал он, поднимаясь. — Дорога туда неблизкая. И небезопасная. Но если есть кто-то, кто может ответить на твои вопросы, — он посмотрел на меня, — то это он.

Я кивнула, чувствуя, как внутри меня поднимается новое, горячее, решительное. Вчера я боялась правды. Сегодня я хотела её. Кем бы я ни была. Откуда бы ни пришла.

Глава 8

Сайхан сказал, что я могу взять всё, что сочту нужным. Его лаборатория была моей — по крайней мере, на эти сборы.

Я стояла посреди комнаты, заставленной стеллажами с травами, склянками, порошками и странными приспособлениями, назначения которых даже не пыталась угадать. Воздух здесь пах так же, как и весь дом, — сушёными цветами, мятой, чем-то горьким и в то же время сладким. Я вдыхала этот запах и чувствовала, как он успокаивает. Как будто Сайхан вложил в свои стены частицу себя.

— Бери то, что пригодится в пути, — сказал он, стоя в дверях. — Живильные мази, обезболивающие отвары, что-то от лихорадки. Ты лучше меня знаешь, что может понадобиться.

— Спасибо, — ответила я, но он уже ушёл, оставив меня одну.

Я начала перебирать склянки. Некоторые я узнавала — их давал мне Сайхан ещё в прошлый раз, когда мы только собирались в Гааль-Нур. Другие были незнакомыми, и я осторожно нюхала их, стараясь определить по запаху содержимое.

Но мысли мои были далеко.

Я поймала себя на том, что отвлеклась уже в третий раз,

и чертыхнулась. Собраться. Нужно собраться. Дорога предстоит долгая, и неизвестно, что нас ждёт в этих горах за Гааль-Нуром. В Гнезде Ворона.

Я вздохнула и огляделась в поисках сумки. Моя старая, та, что была со мной в Гааль-Нуре, превратилась в лохмотья, пропитанные кровью. Сайхан дал мне новую — из плотной кожи, с длинным ремнём, чтобы носить через плечо. Я сложила в неё несколько склянок, потом остановилась.

Нужно посмотреть на себя. По-настоящему.

Я подошла к зеркалу.

Оно висело в углу лаборатории — не большое, в простой деревянной раме, с потускневшим от времени серебряным покрытием. Я смотрела в него каждое утро, но всегда мельком, не вглядываясь. Боялась? Или просто не хотела видеть то, что изменилось?

Сейчас я стояла перед ним, и мне казалось, что в комнате стало светлее.

На меня смотрела незнакомка.

Волосы. Мои волосы, которые всегда были русыми, почти пепельными, потемнели. Они стали тёмно-каштановыми, почти чёрными, с глубоким, насыщенным отливом, который переливался в свете лампы. Я провела по ним рукой — они были мягкими, шелковистыми, и я не помнила, чтобы мои волосы когда-либо выглядели так. Я всегда мучилась с сухими концами, с тусклым цветом, с вечной усталостью, которая отражалась на них первой.

Теперь они блестяли. Как шёлк. Как вороново крыло.

Я перевела взгляд на лицо.

Черты стали острее. Скулы — выше, подбородок — тоньше, линия челюсти — чётче. Это всё ещё была я, но будто версия меня, которую отретушировал невидимый художник, убрав всё лишнее, оставив только суть. Мои губы казались ярче, хотя я не пользовалась ничем. Ресницы — длиннее и темнее. Даже брови изменили форму, став более изогнутыми, почти хищными.

Кожа. Я приблизилась к зеркалу, разглядывая себя. Кожа стала ровнее — ни одного пятнышка, ни одной морщинки, ни одного следа усталости, которые я привыкла видеть под глазами. Она словно светила изнутри, мягко, едва уловимо, как перламутр. Я коснулась щеки — она была гладкой, тёплой, и под пальцами я чувствовала, как бьётся кровь.

Но самое главное — глаза.

Я смотрела в них, и они смотрели на меня. Серо-голубая радужка, которую я знала всю жизнь, теперь была пронизана золотыми прожилками. Они не были постоянно золотыми — иногда, при обычном свете, глаза казались просто светлыми, чуть более яркими, чем раньше. Но стоило мне изменить угол наклона головы, и золото вспыхивало, загоралось изнутри, как угли, которые тронули ветром.

А иногда — я заметила это сейчас, когда смотрела в зеркало слишком пристально, — зрачок менял форму. Становился вертикальным, как у кошки. Как у дракона.

Я замерла, глядя на это превращение, и вместо страха почувствовала только спокойное любопытство.

«Так вот ты какая, — подумала я. — Настоящая».

Я отошла от зеркала на шаг, рассматривая себя целиком. Платье, которое дал мне Сайхан, сидело идеально — раньше мне всегда нужно было подгонять одежду по фигуре, потому что я была слишком худой, слишком угловатой. Теперь же моё тело казалось более... правильным. Плечи расправились, осанка выпрямилась. Я стояла прямо, глядя на себя, и не узнавала.

Но в этом не было ужаса.

Не было отторжения.

Не было желания отвернуться и заплакать.

Было только странное, глубокое чувство, которое я не могла назвать иначе, чем правильность.

Словно всю жизнь я носила одежду, которая была мне мала, и наконец-то сняла её. Словно я дышала через соломинку, и кто-то убрал её. Словно я была актрисой, которая играла чужую роль, и занавес наконец-то упал.

Я провела рукой по лицу, коснулась уголка глаза, где золото пульсировало сильнее всего.

— Кто ты? — прошептала я своему отражению.

Золото в зрачках вспыхнуло ярче, и мне показалось — всего на секунду — что отражение улыбнулось. Не зло, не насмешливо. А так, будто оно ждало этого вопроса всю жизнь и наконец дождалось.

— Алина?

Голос Каэля за спиной заставил меня вздрогнуть. Я обернулась. Он стоял в дверях лаборатории, опираясь плечом о косяк, и смотрел на меня. В его глазах не было удивления. Только... подтверждение. Будто он видел меня такой уже давно, просто не говорил.

— Ты подглядываешь, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал легкомысленно, но вышло не очень.

— Я ищу тебя, — ответил он, входя в комнату. — Сайхан сказал, что ты здесь. Сказал, что ты... — он запнулся, подбирая слова, — что тебе нужно время.

— Ему виднее, — пожала я плечами и снова повернулась к зеркалу.

Каэль подошёл и встал за моей спиной. Я видела его отражение — высокое, широкоплечее, с тёмными волосами, которые он так и не причесал. Он смотрел на меня в зеркало, и я чувствовала его взгляд даже без связи.

— Ты изменилась, — сказал он тихо.

— Я знаю, — ответила я.

— Ты злишься?

Я удивилась вопросу.

— С чего бы?

— Некоторые люди не любят меняться. Особенно когда изменения не они выбрали.

Я подумала об этом. Действительно, в моём мире люди боялись перемен. Боялись стареть, боялись толстеть, боялись

терять волосы или приобретать морщины. Боялись, что их тело перестанет им подчиняться.

Но то, что случилось со мной, было другим.

— Я не злюсь, — сказала я медленно, проговаривая каждое слово, чтобы убедиться, что оно правдиво. — Я чувствую себя... правильно. Впервые в жизни правильно.

Каэль молчал. Его отражение смотрело на моё, и в его глазах было что-то, чего я не могла прочесть.

— Это пугает тебя? — спросила я.

— Нет, — ответил он слишком быстро. А потом помолчал и добавил: — Да. Немного. Не потому, что ты изменилась. А потому, что я не знаю, куда это приведёт.

Я повернулась к нему лицом, отходя от зеркала. Теперь я видела его без посредников — живого, взволнованного, сжимающего кулаки, чтобы не выдать своего беспокойства.

— Куда бы это ни привело, — сказала я, — мы пойдём туда вместе. Или я пойду одна. Но я не собираюсь прятаться от себя.

Он шагнул ко мне, взял моё лицо в ладони и посмотрел прямо в глаза — в эти странные, золотые глаза, которые теперь смотрели на мир иначе.

— Ты всегда была смелее меня, — сказал он.

— Врёшь, — усмехнулась я. — Ты дракон. Ты летал над пропастью, пока я внизу тряслась от страха.

— Ты не тряслась, — возразил он. — Ты сжимала зубы и делала. Это и есть смелость.

Я хотела ответить, но в дверях раздался деликатный кашель.

Сайхан стоял на пороге, держа в руках свёрток, и смотрел куда-то в сторону, делая вид, что не застал нас в слишком близкой позе.

— Не хочу прерывать, — сказал он, и в его голосе снова зазвучала та хитрая нотка, от которой мне становилось неловко. — Но я подумал, что вам могут понадобиться тёплые вещи. В горах холодно даже летом.

Он протянул свёрток, и я взяла его, чувствуя, как щёки заливают румянец.

— Спасибо, Сайхан, — сказала я.

— Не благодари, — он махнул рукой. — Просто возвращайтесь живыми. И, если получится, с ответами.

Он ушёл так же тихо, как появился, и я осталась стоять с тёплым свёртком в руках, глядя на Каэля.

— Нам правда нужно собираться, — сказала я.

— Знаю, — ответил он. — Но можно я ещё минуту просто посмотрю на тебя?

Я подняла бровь.

— Ты странный.

— Возможно, — согласился он. — Но я люблю тебя. И мне нужно привыкнуть к тому, что ты стала ещё красивее, чем была.

Я фыркнула и отвернулась, пряча улыбку. Но внутри меня, там, где горел золотой огонь, разлилось тепло. Не то, ди-

кое и голодное, что было ночью. А другое — спокойное, уверенное, домашнее.

Я сложила в сумку последние склянки, затянула ремень и оглядела комнату.

Лаборатория Сайхана, полная трав и тайн, оставалась позади. Впереди была дорога. И горы. И отшельник, который, возможно, знал, кто я такая.

Я взяла сумку, перекинула через плечо и в последний раз посмотрела в зеркало.

Тёмные волосы, острые скулы, золото в глазах.

— Ну что ж, — сказала я своему отражению. — Пора идти домой.

Отражение улыбнулось.

Золото в зрачках вспыхнуло — ярко, тепло, уверенно.

И в этой вспышке я поняла, что дом — это не место. Дом — это когда ты наконец становишься собой.

А я становилась.

Впервые в жизни.

Глава 9

Рассвет в Ихастане был тихим.

Я стояла на пороге дома Сайхана, перекинув через плечо кожаную сумку, набитую склянками, травами и тёплыми вещами, и смотрела, как небо над пустыней розовеет краями, обещая жаркий день. Воздух был ещё прохладным, но уже чувствовалось дыхание солнца, которое скоро превратит песок в раскалённую сковороду.

Каэль ждал у калитки, привязав к седлу нашего приземистого верблюда — того самого, что привёл нас в Ихастан в первый раз. Животное выглядело отдохнувшим и даже, кажется, довольно жевало какую-то колючку.

— Готова? — спросил Каэль, и я кивнула.

Из дома вышел Сайхан. В руках он держал свёрток — поменьше того, что дал вчера, — и протянул его мне.

— Последнее, — сказал он. — Запасная карта, на случай если основную потеряешь. И немного сушёного мяса. В горах с едой будет туго.

Я взяла свёрток, чувствуя, как внутри разрастается что-то тёплое и горькое одновременно. Сайхан не был мне ни отцом, ни другом в привычном смысле — но за эти дни он стал кем-то большим. Тем, кто принял меня без вопросов, кто лечил моё тело и помогал моей душе.

— Спасибо тебе, — сказала я, и голос прозвучал хрипло.

— За всё.

Он улыбнулся — своей мягкой, немного грустной улыбкой, от которой в уголках глаз собирались морщинки.

— Не за что благодарить, девочка. Я всего лишь делал то, что должен был.

Он перевёл взгляд на Каэля, кивнул ему, и тот ответил таким же молчаливым поклоном. Между ними было понимание, которого я не до конца разделяла — уважение двух мужчин, которые видели смерть и выбирали жизнь.

А потом Сайхан посмотрел на меня. В его светлых глазах, выцветших от времени, я увидела что-то, что заставило меня замереть.

— Алина, — сказал он, и голос его стал серьёзнее. — Ты стала другой.

Я сжала лямку сумки, готовясь к осуждению. К вопросам. К тому, что он скажет что-то вроде «ты больше не человек» или «ты опасна».

Но он сказал иначе.

— Это к лучшему, — добавил он, и в его улыбке не было ни капли фальши. — Ты всегда была не отсюда. Даже когда впервые переступила порог моего дома, я видел — ты ищешь. Что-то, чего не могла найти. А теперь... теперь ты нашла себя.

Я открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле. Внутри поднялось что-то огромное, горячее, и я поняла, что если сейчас произнесу хоть звук, то разревусь.

Сайхан шагнул ко мне и положил ладонь на моё плечо. Его рука была сухой, тёплой, слегка дрожащей — от старости или от волнения, я не знала.

— Береги себя, — сказал он. — И береги его. Вы оба нужны этому миру. Даже если мир ещё этого не понял.

Я кивнула, сглатывая комок.

— Я вернусь, — сказала я. — Когда всё закончится. Я вернусь и расскажу тебе всё.

Он усмехнулся.

— Буду ждать. Только не слишком долго. Я не молодею.

Каэль подошёл и мягко взял меня за локоть.

— Нам пора, — сказал он тихо. — Светает. Если хотим пройти через перевал до жары, нужно выступать.

Я отступила от Сайхана, чувствуя, как его ладонь соскальзывает с моего плеча. Мы пошли к калитке, и я обернулась на пороге.

Старый целитель стоял на крыльце, опираясь на косяк, и смотрел нам вслед. В лучах восходящего солнца его седые волосы казались серебряными, а тень от дома падала длинная, почти достигая наших ног.

— Прощай, Сайхан, — сказала я, хотя слово «прощай» было слишком окончательным.

— До встречи, — ответил он. — До встречи, Алина. И помни: огонь внутри тебя — не проклятие. Он — дар. Даже если ты пока не знаешь, как им пользоваться.

Я кивнула и шагнула за калитку.

Каэль уже сидел в седле, протягивая мне руку. Я вцепилась в его пальцы, и он одним рывком поднял меня наверх, усаживая перед собой. Животное недовольно фыркнуло, но подчинилось.

— Держись, — сказал он, обхватывая меня за талию.

Я прижалась спиной к его груди, чувствуя, как бьётся его сердце, и смотрела на дом Сайхана, который становился всё меньше и меньше.

Старый целитель стоял на крыльце, пока мы не скрылись за поворотом.

Я не оборачивалась больше — знала, что если обернусь, то увижу, как он машет рукой. И это разорвёт меня на части.

Впереди была дорога. И горы. И отшельник, который, возможно, знал ответы.

Но в груди, там, где горел золотой огонь, пульсировало спокойствие. Сайхан сказал, что я стала другой — и это к лучшему.

Я верила ему.

Потому что впервые в жизни я не боялась быть собой.

Впервые в жизни я знала, куда иду.

Даже если не знала, что найду в конце пути.

Пустыня встретила нас золотом.

Не тем, что горело в моих глазах, а тем, настоящим — песчаным, бескрайним, раскалённым. Солнце поднялось уже достаточно высоко, чтобы превратить горизонт в дрожащее

мареву, и я приготовилась к привычному страданию.

Но страдания не последовало.

Жара была. Она лизала кожу сухим горячим языком, заставляла воздух дрожать над барханами, выжимала пот из каждой поры. Но я больше не чувствовала той изнуряющей, высасывающей силы слабости, которая мучила меня в прошлый раз. Дышать было легко. Сердце билось ровно. Даже лёгкие, которые раньше горели от каждого вдоха в раскалённом воздухе, теперь работали как часы.

Я откинула капюшон плаща, подставив лицо солнцу, и закрыла глаза на секунду.

— Ты что делаешь? — раздался сзади голос Каэля. — Солнце же печёт.

— Знаю, — ответила я, не открывая глаз. — Но мне не жарко.

Он замолчал. Я чувствовала его недоумение через связь — лёгкое, почти любопытное касание.

— Совсем? — переспросил он.

— Почти, — я всё же открыла глаза и повернулась к нему. Он сидел позади меня, обхватив за талию, и смотрел на меня так, будто видел в первый раз. — Словно... внутри что-то защищает меня. От жары. Или от огня. Я не знаю, как объяснить.

Каэль усмехнулся, и в его усмешке не было насмешки — только тепло.

— Драконья кровь, — сказал он. — Даёт иммунитет к ог-

ню. И к жару, видимо, тоже.

— Ты шутишь?

— Нисколько. — Он пожал плечами, и я почувствовала, как его руки чуть крепче сжали мою талию. — Драконы живут в горах, в вулканических пещерах. Лава для них — как для тебя горячая ванна. Так что твоё новое тело... оно просто делает то, для чего предназначено.

— Моё новое тело, — повторила я задумчиво. — Странно звучит.

— Привыкнешь, — сказал он, и в его голосе проскользнула нотка уверенности, которая меня немного раздражала. — Я привык. Ты привыкнешь.

— Ты родился драконом, — возразила я. — А я... я была человеком тридцать лет.

— Был. — Он наклонился ближе, и я почувствовала его дыхание на своей щеке. — Теперь ты больше, чем человек. И это не должно тебя пугать.

Я хотела ответить что-то колкое, но передумала. Потому что он был прав. Я не пугалась. Удивлялась — да. Но не пугалась.

Мы ехали молча, и пустыня медленно ползла мимо нас — барханы, редкие кусты колючек, сухие русла рек, которые давно пересохли. Животное шло ровно, не сбавляя шага, и я в какой-то момент поймала себя на том, что не чувствую ни усталости, ни сонливости, ни желания слезть и растянуться в тени.

— Каэль, — сказала я, когда солнце перевалило за зенит и начало клониться к западу.

— Ммм?

— Чего ты боишься? От встречи с отшельником?

Он замолчал. Я чувствовала, как его руки напряглись на моей талии, как его дыхание стало глубже.

— Многого, — ответил он наконец. — Но не того, что ты думаешь.

— А чего?

Он помолчал ещё немного, и я не торопила его. Пустыня шумела — песок пересыпался под копытами животного, ветер свистел где-то вдалеке, и в этой тишине его слова прозвучали особенно тяжело.

— Я боюсь не ответов, — сказал он тихо. — Я боюсь, что он подтвердит слухи.

Я повернулась к нему, насколько могла, сидя в седле.

— О твоём происхождении?

Он кивнул, и я увидела, как дёрнулся его кадык.

— Всю жизнь я слышал шёпот за спиной. «Нечистокровный». «Ублюдок». «Сын хранителя, а не короля». — Его голос стал жёстче, почти злым. — Мать защищала меня как могла. А после её смерти... отец держал всех в страхе, но шёпот не прекращался. Он только ушёл в подполье.

— И ты боишься, что отшельник скажет правду? — спросила я.

— Я боюсь, что он скажет правду, и она окажется той са-

мой, которую я всегда подозревал. — Он выдохнул, и в этом выдохе было столько горечи, что у меня сжалось сердце. — Что я не сын короля. Что моя драконья сущность — ошибка, случайность, которая не должна была случиться. Что я... не имею права на трон. На имя. На...

— На меня? — закончила я за него.

Он не ответил. Но я чувствовала его боль — острую, глубокую, застарелую. Она пульсировала внутри него, как открытая рана, которую никто не пытался лечить.

— Каэль, — я взяла его руку, лежащую у меня на животе, и сжала пальцы. — Послушай меня.

Он не поднял головы.

— Твоя кровь не определяет, кто ты есть. Твои поступки — да. Ты спасал меня. Ты рисковал жизнью. Ты отказался от сделки с Маэлгором, даже когда умирал. — Я развернулась к нему, насколько позволяло седло, и посмотрела прямо в глаза. — Будь ты сыном короля или сыном повара, ты остаёшься тем, кого я люблю.

В его глазах что-то дрогнуло. Золото, которое всегда пряталось в глубине, вышло наружу, заливая радужку тёплым светом.

— Ты правда так думаешь? — спросил он, и в его голосе не было привычной уверенности — только уязвимость, которую он показывал так редко.

— Я не думаю, — ответила я. — Я знаю.

Он сжал мои пальцы в ответ, и мы сидели так несколько

секунд, глядя друг на друга, пока животное не фыркнуло, напоминая, что мы не одни в этой пустыне.

— Прости, — сказал Каэль, отворачиваясь. — Не хотел нагружать тебя своими страхами.

— А я не хотела, чтобы ты носил их в одиночку, — ответила я. — Мы команда, помнишь? Хранитель и её дракон.

Он усмехнулся — на этот раз легче, искреннее.

— Её дракон, — повторил он, пробуя слова на вкус. — Звучит... неплохо.

— Я старалась, — улыбнулась я.

Мы снова замолчали, но тишина уже не была тяжёлой. Пустыня вокруг казалась не такой враждебной, солнце — не таким беспощадным. Впереди, на горизонте, уже виднелись смутные очертания гор — туда, где ждал отшельник, где ждали ответы.

— Что бы он ни сказал, — произнесла я, глядя вперёд, — мы справимся. Вместе.

— Вместе, — повторил Каэль, и в этом слове было обещание.

Животное шло ровно, и пустыня оставалась позади. А впереди были горы. И правда. И страх, который мы должны были преодолеть.

Но теперь я знала: что бы ни ждало нас там, мы не сломаемся.

Потому что у нас была не только драконья кровь.

У нас была связь. И любовь. И вера друг в друга.

А это сильнее любой магии.

Глава 10

Оазис появился внезапно — будто кто-то разорвал пустыню пополам и вставил в этот разрыв кусочек другой жизни.

Мы ехали уже несколько часов, и солнце клонилось к закату, окрашивая барханы в кроваво-красный, когда Каэль резко натянул поводья.

— Слышишь? — спросил он.

Я прислушалась. Сквозь шелест песка и свист ветра пробивался другой звук — журчание. Вода. Настоящая, живая вода.

— Там, — Каэль указал рукой на небольшую впадину между двумя скальными выступами, которые до этого сливались с горизонтом.
Мы направили животное туда, и через несколько минут я увидела это.

Небольшое озеро, бирюзовое, как драгоценный камень, окружённое пальмами и кустами цветущего кустарника. С одной стороны с невысокого уступа падал водопад — не мощный, но красивый, разбиваясь на тысячи брызг, которые сверкали в лучах заходящего солнца. Вода в озере была прозрачной, и на дне виднелись гладкие камни.
Я спрыгнула с животного, даже не дожидаясь, пока Каэль поможет, и побежала к воде. Ступни утопали в тёплом песке, и я смеялась — от радости, от неожиданности, от того, что пустыня наконец подарила нам что-то прекрасное.
— Осто-

рожнее! — крикнул Каэль мне вслед, но я уже скинула плащ и стягивала через голову платье.
 — Не учи меня плавать, дракон! — крикнула я в ответ и бросилась в воду.
 Озеро оказалось тёплым, почти ласковым, и я нырнула с головой, чувствуя, как вода смывает пыль, пот, усталость. Я вынырнула, отфыркиваясь, и увидела Каэля на берегу.
 Он смотрел на меня. Стоял по пояс в воде, уже без рубашки, но штаны ещё были на нём, и в его глазах горело то самое золото, которое я уже научилась распознавать.
 — Ты так и будешь стоять? — спросила я, откидывая мокрые волосы с лица.
 Он усмехнулся — той усмешкой, от которой у меня внутри всё переворачивалось.
 — Любуюсь, — ответил он и начал стягивать штаны.
 Я отвернулась, делая вид, что меня больше интересует водопад, но краем глаза следила за ним. Тело Каэля было прекрасным — сильным, мускулистым, с линией шрама на груди, который теперь казался не уродством, а знаком.знаком того, что он выжил.
 Он вошёл в воду и поплыл ко мне — не быстро, а плавно, как хищник, который знает, что добыча никуда не денется.
 — Ты прекрасна, — сказал он, останавливаясь в шаге от меня. Вода доходила ему до груди, мне — до плеч. — Знаешь это?
 — Ты говорил уже, — ответила я, чувствуя, как щёки заливает румянцем, который не скрыть даже в прохладной воде.
 — Повторю.
 Он протянул руку и коснулся моего лица, провёл пальцем по скуле, по губам. Я закрыла глаза, чувствуя, как его дыхание смешивает-

ся с моим, как вода вокруг нас становится горячее.
 — Каэль... — прошептала я.
 Он поцеловал меня — мягко, почти невесомо, но я чувствовала, какая сила скрывается за этой нежностью. Его руки скользнули по моей спине, притягивая ближе, и я обвила его шею руками, прижимаясь всем телом.
 Вода обтекала нас, шептала, плескалась о камни. Где-то кричала ночная птица, и первые звёзды уже зажигались над нашими головами.
 Он подхватил меня под бёдра, и я обхватила его ногами, чувствуя, как его возбуждение упирается мне в живот. Вода делала движения лёгкими, невесомыми, и когда он вошёл в меня, я вскрикнула — не от боли, а от того, как хорошо, как правильно это было.
 Мы двигались в такт, медленно, почти лениво, наслаждаясь каждой секундой. Вода смывала стоны, прятала их в своём журчании, и я чувствовала, как огонь внутри меня разгорается, как золото в глазах становится ярче, как его пламя встречается с моим.
 — Алина, — выдохнул он, уткнувшись лицом в мои волосы.
 — Я здесь, — ответила я, сжимая его сильнее.
 Мы кончили почти одновременно — я первой, судорожно вцепившись в его плечи, он следом, с тихим рыком, который эхом разнёсся по оазису. Я чувствовала его пульс внутри себя, и этот пульс отзывался в моей груди, в моём сердце, в каждой клетке моего тела.
 Мы стояли в воде, обнявшись, тяжело дыша, и я не хотела, чтобы этот момент заканчивался.
 — Люблю тебя, — сказала я тихо.
 — А я тебя, — ответил он, целуя

меня в висок.
 Мы сидели на берегу, закутавшись в плащи, и смотрели, как звёзды отражаются в чёрной воде озера. Я прижималась к его плечу, чувствуя, как его пальцы перебирают мои мокрые волосы.
 — Расскажи мне о матери, — попросила я.
 Он замер на секунду, но потом выдохнул и начал говорить.
 — Я был маленьким. Лет шесть, может, семь. Не помню точно. Она болела долго — что-то с кровью, никто не мог вылечить. Отец призывал лучших целителей, но они только разводили руками.
 — А отшельник? — спросила я. — Он был её хранителем?
 Каэль кивнул.
 — Элиан. Я помню его смутно. Высокий, молчаливый, всегда рядом с матерью. Он почти не разговаривал — по крайней мере, со мной. Но я видел, как он смотрит на неё. Как будто она была для него всем.
 Он помолчал, собираясь с мыслями.
 — В последний день она позвала меня. Сказала, что уходит. Я не понимал, куда. Держал её за руку, пока она не перестала дышать. Элиан стоял в углу и смотрел. А потом... потом он просто ушёл. Ни слова, ни прощания. Вышел из комнаты и исчез. Я больше никогда его не видел.
 — И ты помнишь его только таким? — спросила я. — Молчаливым?
 — Да. Но верным. Я чувствовал это даже тогда. Он не предал бы её. Ни за что. И когда после её смерти при дворе начали шептаться, что между ними было что-то большее... я не верил. Не хотел верить. — Он горько усмехнулся. — Но теперь, когда я сам стал хранителем... понимаю, как трудно оставаться просто храните-

лем, когда внутри всё горит.
 Я сжала его руку.
 — Ты не веришь в эти слухи?
 — Не знаю, — признался он. — Но если даже они правдивы... какая разница? Она была моей матерью. Он был рядом с ней до конца. Этого достаточно.
 Мы замолчали. Водопад шумел, звёзды мерцали, и я чувствовала, как усталость наваливается на меня после долгого дня.
 — Идём спать, — сказала я.
 Он кивнул, и мы устроились на расстеленных плащах под пальмой, прижавшись друг к другу.
 Ночь пришла быстро.
 Я провалилась в сон почти сразу, и он был глубоким, чёрным, как смоль.
 А потом появилась пропасть.
 Я стояла на её краю, и ветер дул снизу, холодный, почти ледяной. Но страха не было. Вместо тьмы, которая когда-то жила здесь, теперь горели глаза.
 Много пар золотых глаз.
 Они смотрели на меня из глубины, из темноты, из ниоткуда, и в их взгляде не было враждебности. Только любопытство. Только ожидание.
 — Кто вы? — спросила я, и мой голос эхом разнёсся по пропасти.
 Никто не ответил. Но глаза моргнули — все сразу, как по команде, — и в этом движении было что-то... родное.
 Они ждали меня. Знали, что я приду.
 Я сделала шаг вперёд, к краю пропасти, и в этот момент проснулась.
 Сердце колотилось где-то в горле, но страха опять не было. Только странное, щемящее чувство, что я опоздала. Что меня ждут уже слишком долго.
 Рядом спал Каэль, его дыхание было ровным и спокойным. Я смотрела на звёзды сквозь листья пальмы и дума-

ла о золотых глазах.
 — Я иду, — прошептала я в темноту. — Скоро.
 И мне показалось, что где-то далеко, в самой глубине сна, глаза моргнули в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.